

От ненависти До любви

**АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ**

СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ

Алла Полянская

Слишком чужая, слишком своя

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6185085

Алла Полянская. Слишком чужая, слишком своя: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63111-7

Аннотация

Очнувшись после аварии, владелица дома моды «Эрика» Юлия Ясинская начинает неожиданно для себя и окружающих думать и разговаривать на английском, которого не знала... А в зеркале она видит совершенно незнакомое лицо, и оно ей очень не нравится... Юлия не помнит никого и ничего, кроме своего кота, красавца Макса, поэтому никак не может понять, зачем и кто покушается на ее жизнь. А потом на глазах Юлии убивают ее заместителя! Перед смертью он успевает сказать, что на самом деле ее зовут Керстин... Тогда девушка вспоминает: она специальный агент, и ее решили устранить весьма оригинальным способом – сделав другим человеком. Но Юлия-Керстин не намерена прощаться со своим прошлым, сколько бы опасностей оно ни таило...

Содержание

1	6
2	13
3	28
4	50
5	80
6	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Алла Полянская. Слишком чужая, слишком своя

Желтые лучи фар прорезали темноту и разбили ее на мелкие осколки. Сейчас они выйдут из машины, хлопнет дверца, затрещит сухая трава, ломаясь под их яростными шагами. Может, не стоит прятаться? Все равно они меня найдут и... А еще так бешено стучит сердце – они уже слышат. Наверное, будет лучше, если все закончится прямо сейчас. Зачем сопротивляться неизбежному и так изматывать себя? Ведь все может прекратиться прямо сейчас, стоит мне просто... Нет. Нет! Черта с два они меня получают! Вот только немного успокою дыхание. Если затаюсь, они меня не найдут, здесь слишком темно. А после я переплыву эту реку – и все. Хватит с меня.

– Эй, Бенни, она там, стреляй! Да стреляй же, вот она! – Голос такой знакомый. И от этого еще хуже. Нет, ребята, у меня на сегодняшний вечер были другие планы. Как жаль – это мой последний нож. Ты сам этого хотел, Бенни, извини!

– Вы видели – она подрезала Бенни! О господи, да стреляйте же, вы что, ослепли все? – Да я до него даже пальцем не дотронулась, очень надо! Просто мои ножи всегда летят туда, куда я хочу. Но теперь у меня больше нет ножа. А вода

такая холодная...

Боже мой, устроить такую пальбу! И этой воде не мешало бы немного потеплеть... Если в меня попадут, я не доплыву. Хорошо еще, что на мне шорты, а не платье или джинсы – я все-таки уступила лету. А оно могло бы уступить мне и подогреть эту проклятую воду в реке. Нужно нырять. Терпеть этого не могу, но парням на берегу патронов не жаль, а это значит, что придется.

Что-то острое и горячее ввинтилось в мое плечо. Умирать в такой холодной воде – черт подери! В грязной, не хлорированной воде...

Что-то отвратительное и темное накрывает меня с головой. Ну, и где, скажите на милость, свет, который должен быть виден в конце туннеля?

1

– ...А я ему говорю: «Не стоит дарить мне такую ерунду, разве что хочешь меня обидеть».

– А он тебе что?

– А он тогда вышел и хлопнул дверью. Скоро неделя как не звонит.

– Сама виновата. Разве такое можно говорить мужчине? Правильно сделал, что ушел. Тебе стоит извиниться. А вообще – твое дело. Значит, не нравился он тебе, если ты так себя повела. Теперь нечего жаловаться.

– Ты права, но...

Дверь закрылась, и разговор затих. Женщины пошли дальше. Что это за комната? Я не знаю. Я лежу на узенькой кровати возле стенки, до половины покрашенной в бледно-голубой цвет. Под потолком на шнуре – лампочка. Может, это тюрьма? Но почему я здесь? Напротив, у окна, такая же кровать. Там лежит женщина. Глаза ее закрыты. Какие-то трубки исчезают в ее теле. Слава богу, у меня таких нет. Игла на сгибе локтя и провода, прикрепляющие датчики, – это мелочи. Если это больница, то очень странная. Но почему я так думаю? Разве я видела какую-то другую? Я не знаю. И не помню, как тут оказалась. И кто я вообще. Разве такое может быть? Я не знаю, кто я такая!

Скрипнула дверь. В комнату зашли две женщины и муж-

чина. Слава богу, хоть кто-нибудь живой! Чего они на меня так уставились? У меня что, в срочном порядке отрасли рога?

– Кто проводил процедуры? – Это мужчина. Лет тридцать, довольно высокий для того, чтобы ходить, не подпрыгивая и не задирая голову. Симпатичный светловолосый человек в белом халате. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – это врач. Вот и хорошо, хоть что-то я понимаю.

– Медсестра Прохорова, только что сдала смену.

Это женщина. Полновата, но возраст ей уже позволяет.

– И она не заметила, что больная пришла в себя? Почему не сообщила?

– Виталий Петрович, возможно, больная очнулась только что? – предполагает вторая женщина, не столько толстая, сколько обрюзгшая, хотя и моложе той, первой.

– Возможно. Как вы себя чувствуете? – Это вопрос ко мне.

Наконец-то ко мне кто-то обратился. Стоят тут, болтают, будто я... Но почему я не могу ответить? Почему-то... Язык, на котором они говорят. Я понимаю его, но только что я думала на каком-то другом языке. И я растерялась. Я что, сошла с ума? Что здесь происходит, хотела бы я знать?

– Вы понимаете, о чем я спрашиваю?

Я утвердительно киваю головой. Я понимаю, но слова почему-то не хотят слетать с языка. Я хочу сказать это как-то не так. Я по-другому думаю. Или не думаю. Или просто я сплю, и мне все это снится. Или я умерла. Нет. Нет!

– Вы не можете говорить?

Да, парень, я пока не могу говорить, но я могу думать. Только... Я не знаю о чем.

– Возможно, мозг поврежден значительно глубже, чем мы предполагали? – говорит первая.

– Лариса Романовна, когда речь идет о повреждениях мозга, предположить можно что угодно. Но вы же видели снимки. А впрочем, переведите ее в восемнадцатую. После обхода я сам ею займусь.

Повреждения мозга? У меня? Как же это?..

Мои терзания, похоже, никого не интересуют. Меня грузят на холодную каталку, как какой-то неодушевленный предмет, и везут по длинному полутемному коридору. С двух сторон двери, двери... Я не хочу это видеть. У меня почему-то тяжело на душе и что-то давит в горле... Нет. Плакать я не буду.

Новая комната – точная копия предыдущей, только кровать напротив пустая. Я тут одна, и это меня вполне устраивает. Не хочу никого видеть. Я должна что-то вспомнить, но что? В голове гудит пустота. Я не знаю, что должна вспомнить, но я же могу, по крайней мере, что-нибудь сказать или нет? Тот симпатичный блондин обращался ко мне, почему я ему не ответила?

– Я понимаю, что вы мне говорите.

Мой голос. Совсем незнакомый. И слова приходится тщательно подбирать. Почему? Я что, сошла с ума? Кстати, а

сколько мне лет? Может, я уже старуха? Это было бы отвратительно, потому что давешний доктор – настоящий красавчик. А может, я уродина, каких мало? О, нет! Эй, кто-нибудь! Есть тут зеркальце?

Я ощупываю свое лицо, разглядываю руки. Нет, я не старая. И, судя по всему, блондинка. Зубы все на месте. Надо вставать, нечего тут валяться. Что это все значит?

– Что вы делаете? Вам нельзя! – Я не слышала, как открылась дверь. Эта женщина свалилась мне на голову, как кирпич с крыши...

– Вы испугали ее. Вы закричали! Надежда Сергеевна, вы понимаете, что с такими больными надо соблюдать осторожность? Разве можно так кричать в этом отделении? Я услышал вас даже в ординаторской. Теперь неизвестно, когда она опять придет в себя.

– Но она сидела на кровати и пыталась встать! Я просто хотела ее остановить, я испугалась.

– Вам не хватило самообладания? Очень жаль, но это ничего не меняет.

– Возможно, она просто потеряла сознание? В конце концов, она тут уже второй месяц. Никуда не денется. Я имею в виду то, что если уж она до сих пор не умерла, то...

– Хватит! Я позабочусь, чтобы вы больше не работали в этом отделении. Я не понимаю, как вы, медсестра, женщина, мать, наконец, могли такое сказать! На месте этой девушки могла бы оказаться ваша дочь. Вам лучше поискать другую

работу. Это уже не первый случай, когда ваши действия вредили пациентам.

– Вы считаете, что поступаете правильно? Виталий Петрович, я все понимаю: вы учились и работали в Америке, и тут вам все в рот заглядывают, и вы, конечно, можете уволить меня. Но почему вы решили, что за свою мизерную зарплату я еще должна что-то принимать близко к сердцу? Поверьте, со временем и вы не станете этого делать. Не стоит так горячиться.

– Надежда Сергеевна, мне больше нечего вам сказать. Сдайте дежурство и обратитесь в отдел кадров.

А док не только красивый, но и суровый. Мне эта женщина не нравилась. Слишком толстая, не следит за собой. И хотя я ее видела всего ничего и более глубоких впечатлений у меня все равно нет, придется довольствоваться тем, что есть. Женщина мне не понравилась. Хорошо, что я ее больше не увижу. Но почему я лежу с закрытыми глазами? Почему я не сказала, что слышу их разговор? Что-то заставляет меня делать именно так. Я не знаю почему. И это незнание, эта пустота в голове начинают меня раздражать.

– Я вижу, вам уже лучше, – проклятые двери открываются беззвучно. Он садится на стул около моей кровати. – Вы можете отвечать на вопросы?

– Я могу отвечать на вопросы, – слова даются мне с трудом. Так, будто язык, на котором ко мне обращаются, для меня чужой. Я хотела сказать совсем не то. Я спятила?

– Я так и предполагал. Это хорошо. Вы на пути к выздоровлению.

Мне нравится его улыбка, хотя ему больше лет, чем кажется на первый взгляд. Ему где-то тридцать пять. И я хочу задать ему кучу вопросов.

– Почему я здесь?

– На дороге произошла авария. Ваша травма оказалась почти несовместимой с жизнью, поэтому вас привезли сюда. Вы находитесь в институте нейрохирургии. Я здесь главный врач, меня зовут Виталий Петрович. А еще я ваш личный доктор.

Он приветливо улыбается, а я пытаюсь собрать в кучу все, что он мне сказал. Почему-то в памяти появилась темная вода... я вспомнила? Нет. Что-то словно блеснуло и сразу же погасло. Это меня раздражает.

– Что вас беспокоит?

– Что со мной?

– У вас была открытая черепно-мозговая травма. Я сделал вам операцию. После нее вы находились в бессознательном состоянии... довольно много времени. Сегодня вы пришли в себя. Жизненные показатели у вас почти в норме. Слабость скоро пройдет. Нужна еще терапия, но можете быть уверены: еще пара месяцев – и все будет хорошо. Что с вами?

– О чем вы?

– У вас такое выражение лица, словно вы мне не верите. Но я уверяю вас, что вам не о чем волноваться, потому что...

– Док, вы можете мне сказать одну вещь?

– Да, конечно. Мне нечего скрывать от вас.

– Тогда, возможно, вы мне скажете, как меня зовут и кто я такая? И дайте мне, пожалуйста, зеркальце. Я хочу, наконец, с собой познакомиться.

Он смотрит мне в лицо. Я так устала, разговаривая с ним, что мне уже все равно. Наверное, он решил, что я спятила. Я, кстати, тоже склонна так думать. Разве может человек забыть о себе абсолютно все? Не знаю. Мне хочется спать. Я страшно устала говорить и думать. А тут еще мой язык постоянно хочет сказать что-то другое, другими словами. Я не в порядке, что бы он там ни говорил.

– Я вижу, вы устали. Сейчас вам лучше поспать, а разговор мы перенесем на другое время. Мне надо все обдумать и посоветоваться с коллегами.

– Скажите, что со мной? Я сошла с ума?

– Ровно настолько, насколько все мы, человечество в целом. У вас амнезия, такое иногда случается. Принимая во внимание травму, которую вы получили, такое состояние можно считать нормальным. Но уверяю вас, я сделаю все, чтобы помочь. А теперь вам лучше уснуть. Кстати, сейчас принесут еду, поэтому...

Но я уже не слышу, что он там говорит. Темная вода сомкнулась над моей головой. Грязная холодная вода.

– Итак, никакого представления о себе вы не имеете?

Парень задает мне этот вопрос уже в сотый раз. Откуда только он взялся на мою голову? Высокий, тощий, почти совсем лысый – таким было мое первое впечатление. Потом уже я отметила спокойные серые глаза за стеклами больших очков – какой анахронизм! – но почему мне так подумалось? Не знаю. Этого человека привел Виталий Петрович, и теперь он надоедает мне какими-то дурацкими вопросами.

– Абсолютно никакого. По правде говоря, меня это немного раздражает. Разве такое может быть? И когда мне, наконец, хоть кто-то объяснит...

– Пожалуйста, не надо волноваться, вам это вредно. Мы уже почти закончили. Я сейчас вам кое-что объясню, все остальное скажет Виталий Петрович, – он отсоединяет от моего тела металлические, обтянутые резиной датчики. – Этот аппарат создан по типу детектора лжи, который до сих пор кое-где используется в юридической практике.

– Как долго я была без сознания?

– Сегодня у нас восемнадцатое апреля две тысячи девятого года. Так вот, о чем бишь я... А, вот. Этот аппарат сделан по принципу детектора лжи. Правда, он не только фиксирует степень вашей... откровенности, но и ставит диагноз. В данном случае могу вам сказать: такую глубокую амнезию

мне еще ни разу не приходилось наблюдать. Но это уже наши проблемы, мы постараемся вам помочь. А сейчас вы должны...

– Я не спрашиваю у вас, что я должна. Я хочу знать, зачем вся эта комедия с вашим детектором и когда я смогу вспомнить хотя бы цвет своих глаз!

– Не надо сердиться. Я вам все объясню. Видите ли, амнезия – такое состояние, которое довольно легко симулировать, если человек в этом заинтересован. Например, когда вы в чем-то виноваты или просто хотите обратить на себя внимание, ну, и еще есть варианты, неважно. Можете мне поверить, такое случается нередко. Вот тут-то и приходит на помощь наше оборудование – кстати, самое новое. Что же касается непосредственно вас... Видите ли, мозг – наименее изученный орган. Сколько людей, столько же индивидуальных реакций. Мы можем что-то обобщить, но это лишь небольшая часть того, что бы мы хотели знать о человеческом мозге. Поэтому обещать вам что-либо наверняка будет с моей стороны просто шарлатанством. Вы меня понимаете?

– Да, конечно, – я хотела сказать как-то иначе. Как?

– Прекрасно. Теперь вы можете вернуться к себе в палату. Я вижу, вы хотите еще о чем-то спросить?

– Да, хочу. Скажите, здесь где-нибудь есть душ? Мне нужно помыться, иначе я сойду с ума. Это не слишком высокие требования?

– Нет, конечно, нет. Меня только удивляет, почему вы не

скажете об этом медсестре. Ничего, сейчас мы это организуем, не волнуйтесь.

– Эта девица принесла мне тазик с теплой водой. Я бы на нее посмотрела, если бы ей дали столько воды для мытья.

Мне хочется хорошенько кого-нибудь стукнуть, но я сдерживаюсь. Этот человек ничего мне не должен. А вот симпатичную медсестру, которая приходила утром, я бы... Господи, откуда такие дикие мысли? Что со мной происходит?

– Не надо так. Вы же понимаете, что эта больница строилась довольно давно, а в те времена... Ну, хорошо, не буду вам докучать. Скоро будет готово новое помещение для нашего Центра, там все сделано по последним требованиям науки. А все палаты оборудованы душевыми кабинками.

Меня везут вдоль того самого коридора, мимо белых дверей с номерами. И опять мне становится так тоскливо, словно я чего-то боюсь. Чего-то страшного, безжалостного и неминуемого. Но мы уже приехали.

– Я сейчас вам помогу, – хорошенькая медсестра наклоняется ко мне. – Вам только надо пересесть в то кресло, и вы сможете принимать душ сидя. Мы сами придумали такое усовершенствование – тут бывает довольно скользко.

– Спасибо, я попробую сама, – голова кружится, но я встаю. – Почему здесь так темно?

– Но здесь не темно... – голос медсестры удивленный и какой-то далекий. – Солнце светит прямо в окно. Ой, это, наверное, у вас в глазах темнеет! Такое случается от слабо-

сти. Скоро пройдет.

И правда, скоро стало светлее. Я вижу, как она берет в руки полиэтиленовый пакет и направляется с ним ко мне. Вот то, чего я боялась. Как больно врезаются наручники в запястья, а мое лицо накрывают пленкой и мне нечем дышать, нечем дышать...

– Что с вами? Вам плохо? Скажите что-нибудь, о боже... Матвеевна, идите скорей сюда!.. – Ее испуганный крик заставляет меня очнуться.

– Я прошу прощения... все в порядке.

Я пытаюсь что-то вспомнить, но напрасно.

– Что вы сказали? Я не поняла...

Зато я поняла. Я перестала контролировать свой язык, и он сказал все не так. Или, наоборот, так, как надо?

– Я в порядке. Мне жаль, что я напугала вас. Что это у вас?

– Это? – Она удивленно смотрит на меня. – Это просто полиэтиленовая шапочка, чтобы прикрыть повязку у вас на голове. Доктор меня предупредил, чтобы я проследила. Такие шапочки продаются в магазинах, мы держим несколько штук – для таких случаев. Вы уверены, что с вами все в порядке? Может быть, мне лучше остаться и помочь вам?

– Нет, спасибо. Я попробую сама, – не хватало еще предстать перед ней в таком виде. – Скажите, а здесь где-нибудь есть зеркало?

– Конечно, есть, мы мимо него проехали, вы не заметили? Хотя... ну, хорошо. Я буду тут, рядом.

Она выходит, а я сижу и думаю. Я пытаюсь ухватить кончик своего воспоминания об... О чем? Не помню. Ускользает. Вот будто бы сию секунду должна что-то вспомнить, что-то важное... Только не знаю, что. Ну ладно, имей в виду! Если ты у меня в голове, значит, никуда тебе не деться. Вот выйду отсюда, тогда уж... А куда я пойду? Куда я денусь, когда выйду отсюда? Наверное, это знает красавчик доктор. Он должен мне сегодня что-то рассказать, так сказал человек-детектор. Поэтому я сейчас здесь. Мне нужно привести в порядок свои мысли и впечатления. И сделать это я должна до разговора. Почему? Не знаю. Может, у меня паранойя, кто знает? Я открываю кран. Ужасно ценная штука – теплый душ.

Итак, что мы имеем? После аварии – какой, где, как? – меня привезли сюда, наверное, в качестве подопытного материала. Решили, видимо, что мне уже все равно. А может, и нет. Возможно, решили, что только здесь у меня есть шанс. Обе версии имеют право на существование, до тех пор пока я не узнаю, что же произошло на самом деле. Это первое. Я находилась здесь больше месяца в бессознательном состоянии после операции. Откуда это мне известно? Из разговора, который мне удалось подслушать. Но я вовсе не уверена, что услышанное не было спектаклем для одного зрителя – или слушателя в данном случае. Также может стать, что в моей голове ковырялись с другой целью и не было никакой аварии. Это во-вторых.

А в-третьих – это я сама. Почему я чувствую себя здесь... чужой? Нет, конечно, тут все вокруг чужое и незнакомое, но не ТАК. Мне чуждо здесь *все*: язык, на котором я говорю, а думаю на другом; разговоры между людьми, их стиль общения. Только тот доктор не кажется мне настолько чужим. Это не потому, что я положила на него глаз, нет. Что-то в нем есть... Не знаю, что-то... И почему меня вообще посещают такие мысли? Почему я сижу тут и накручиваю себя? Почему не может быть все так, как мне говорят? Я не знаю. Со мной происходит что-то странное. А может, я шпионка или преступница? Но тогда это было бы известно кому следует. А с чего я взяла, что им не известно? И кому это – им? Нет, я просто спятила. Все, хватит. Надо послушать то, что скажет мне док. Если ему есть что мне сказать.

– С вами все в порядке? – Сквозь льющуюся воду я вижу медсестру. – Вы так долго здесь сидите, что я забеспокоилась. Напрасно вы отказались от моей помощи!

– Я чувствовала себя такой грязной, что просто нервы не выдерживали. Поэтому решила немного посидеть и отмокнуть как следует.

– Напрасно вы так считаете. Пока вы были без сознания, вас мыли ежедневно – и очень тщательно.

Она улыбается, но мне неприятно слышать ее слова. Или как-то... Мысль о том, что кто-то касался меня, когда я не могла этого контролировать, для меня просто невыносима.

– Что мне теперь надевать? Нет, я ничего не имею против

больничного белья, но можно хотя бы что-то чистое, только что из прачечной?

– Я как раз собиралась вам все дать, это ваши собственные вещи. Их принесли еще вчера вечером, но я не стала вас беспокоить, вы спали. Вот, пожалуйста, только давайте пройдем в раздевалку.

Обернув вокруг себя простыню, я медленно иду в соседнее помещение. Старый кафель чисто вымыт, скамейки под стеной и крючки на стенах. Это раздевалка, пахнет хлоркой. Около входа большое зеркало. Прекрасно.

– Я могу одеться сама.

– Конечно, если вы хорошо себя чувствуете.

У нее красивые карие глаза и маленький носик, а когда она улыбается, белоснежно блестят ровные зубки. Маленькая приветливая куколка. Но я хочу остаться одна. Она стесняет меня, сама не знаю почему. А еще мне очень хочется заглянуть в зеркало. И я ни с кем не хочу делить этот миг.

– Мне кажется, вы меня стесняетесь. Должна сказать, абсолютно напрасно. Я работаю здесь уже несколько лет, больные у нас в основном тяжелые, всякое бывало. Но с вами теперь все будет в порядке, вот увидите.

– Спасибо, я постараюсь учесть это. Кстати, а как вас зовут?

– Меня зовут Марина, а моего напарника – Марк.

– Я его не видела.

– Его очередь проводить процедуры. Ну, ладно, одевай-

тесь, и вернемся в палату, вам следует отдохнуть.

Да, я устала. Но сейчас я должна еще кое-что сделать. Хорошо, что она оставила меня одну. Я открываю пакет с одеждой. Она сказала, что его принесли вчера. Кто принес? И это мои собственные вещи... Шелковая пижама золотистого цвета, темно-синий атласный халатик, украшенный вышивкой, такого же цвета тапки. Косметичка. Странно. Все эти вещи стоят совсем недешево, даже я это понимаю. Кто принес их для меня?

Я медленно одеваюсь. Шелк приятно холодит тело. И так красиво смотрится. Значит, я люблю красивые вещи и могу их себе покупать. Я с удовольствием разглаживаю ткань, хотя она выглядит безукоризненно. А я? Как выгляжу я? Что я там увижу? Там, в темном стекле? Я медленно подхожу к зеркалу, опустив глаза. Еще минуту, еще... Но я изнемогаю от любопытства и поднимаю взгляд. Сразу. О дьявол! Только не это!

На меня смотрит бледное, слегка удлинненное лицо. Темные круги под глазами. Нос, на мой вкус, слишком длинный. На чей угодно вкус. Глаза какого-то непонятного серо-голубого оттенка, ресниц и бровей нет. Вернее, они-то есть, но такие короткие и светлые, что могли бы не трудиться произрастать – все равно незаметно... А главное то, что это лицо мне совсем незнакомо. Господи, какой кошмар! Неужели это я? Теперь я понимаю, почему куколка Маринка так улыбалась. Отчего бы и не улыбнуться такой красотке, глядя на

уродину? И как мне самой смотреть на себя? Ко всему прочему, еще и голова забинтована. Волосы наверняка сбрили – кто там церемонился... Почему они не дали мне умереть? Неужели я должна теперь жить – в таком виде? А еще вырядилась в роскошную пижаму... Больничного тряпья с избытком хватит для такой уродины.

Ладно, поехали дальше. Я довольно высокая, но нескладная фигура какая-то. Ужасно. Бедрa слишком толстые, ноги недостаточно длинные, даже неплохая форма их не спасает. Нет. Я не хочу. Это какой-то кошмар. Где мой халат? А еще лучше – какой-нибудь мешок, накрыться им с ног до головы, чтобы не чувствовать такой горькой обиды. Неужели я могла спокойно жить с **этим**? Наверное. А может, и нет. Все равно не помню.

– Вы уже закончили? Садитесь, пожалуйста, в кресло, пора возвращаться в палату.

Я не могу смотреть на нее. Я не хочу видеть ее улыбку: она смеется надо мной.

– Что случилось? Вы чем-то расстроены?

– Я в порядке. Просто немного устала.

На этот раз я не замечаю ничего вокруг. А в палате падаю на кровать, и мне хочется только одного: чтобы все оставили меня в покое. Не надо было мне смотреть в зеркало. Я бы и дальше представляла себя спящей красавицей. У меня даже мыслей не возникло, что может быть по-другому. Идиотка! Наверное, самый большой враг – это тот, кто лишает ил-

люзий. У меня теперь нет ни одной, даже самой завалящей. Проклятый кусок стекла!

– Вам сейчас принесут еду.

А, красотка еще здесь? Шла бы ты, девочка, куда подальше. Вместе со своим хорошеньким личиком. Нет, я не то чтобы завидую, но так и кажется, что она издевается надо мной.

– Я не голодна.

– Вам необходимо есть, чтобы набираться сил. Иначе процесс лечения затянется.

Маленькая шантажистка! Мне ничего не остается, как только согласиться. Вкуса еды я все равно не ощутила. Я просто молча проглотила все, что она принесла, и отвернулась к стенке. Я до крайности устала, да и нервы на пределе. Черт подери, что мне теперь делать? И где шляется мой «персональный врач»? Я хочу услышать историю моей жизни, если ему есть что сказать по этому поводу. Мне-то уж точно нечего. Вот только если бы можно было говорить с ним, отвернувшись к стене! Но уж нет. Ни у кого не должно даже тени подозрения возникнуть о причине моего дурного настроения, потому что это просто смешно. Я представляю, как они будут ухохатываться, обсуждая это между собой. Поэтому я должна вести себя так, как вчера. Только теперь это будет довольно трудно.

Я беру со столика косметичку. Бархатный мешочек с завязочками. Что у нас здесь? Тушь для ресниц – ну конечно же! Два карандаша – серый и розовый, несколько неинте-

ресных помад... Неужели это моя косметика? Абсолютно не вдохновляет. Какие-то скучные цвета. Но ведь и внешность у меня – не блеск, должна признать. Все законно. Разве можно такую кошмарную вывеску разукрашивать яркими красками? Все правильно, так и надо. Но почему я должна смириться с этим? С другой стороны, что я могу поделать? Нет вариантов. Черт подери!

– Доброе утро! – Его голос заставил меня вздрогнуть. Проклятая дверь даже не скрипнула. Чем же это утро такое доброе, а, парень? Хотя это, конечно, для кого как!

– Доброе утро.

– Как вы себя чувствуете?

«Сказала бы я тебе!»

– Довольно сносно.

– Вот и отлично. Анализы у вас в норме, скоро снимем повязку. Я говорил о вас с Николаем Петровичем. – «С кем ты говорил? А-а, человек-детектор!» – Что поделаешь, иногда такое случается, но чаще всего ненадолго. Хотя бывали случаи, когда... Ну, об этом после. Я пришел поговорить о вас. Собственно говоря, я должен сейчас рассказать вашу биографию. Я тут принес несколько фотографий из вашего альбома. Возможно, это нам как-то поможет. Впрочем, не будем терять время...

– Ну, так не теряйте, док. Что вы там прячете в рукаве? Я вся внимание.

– Итак, начнем. Вас зовут Ясинская Юлия Павловна. Ро-

дились седьмого июля тысяча девятьсот семьдесят девятого года в Смоленске. Вот ваш паспорт, кстати. Вам скоро исполнится тридцать лет – прекрасный возраст для женщины!

Он еще издевается! Все впереди... Как же! Фотография в паспорте довольно удачная. Значит, при помощи косметики я могу быть даже человекообразной. Слабое утешение. Ну и черт с ним!

– Мне это имя незнакомо.

– Конечно. У вас слишком глубоко повреждена память. Но это – ваше собственное имя.

– Чем я занимаюсь?

– Вы – владелица и ведущий модельер дома моды «Эрика», шестьдесят процентов акций этого предприятия – ваша собственность.

Это значит, что у меня есть на что жить. Это хорошо. Но... Как быть теперь? Смогу ли я и в дальнейшем этим заниматься? Я не чувствую в себе ни малейшей склонности к таким занятиям. Правда, к чему я сейчас чувствую склонность? Ни к чему. В моей голове пусто и гулко. Закрыли тему.

– Юля, вы устали?

Я вздрагиваю. Он назвал меня по имени, но я ждала какого-то другого. Это не мое имя. Оно красивое, хорошо звучит, но чужое. Меня зовут как-то по-другому. Не знаю. Возможно, я просто спятила, а никто этого пока не заметил. Нет. Мне чужды это лицо, это имя, мне все здесь чуждо. Почему? И некому сказать... Не у кого спросить.

– У меня есть родственники, друзья? Кто-то... Кто-то близкий?

– К сожалению, ваши родители погибли, когда вам не было и полугода, вас вырастила бабушка. Но четыре года назад она умерла. Все необходимые документы я принес, потом, позже просмотрите.

– Кто принес мне вещи?

– Ваша подруга Светлана. У нее есть ключи от вашей квартиры. Там у вас кот и много цветов. Она ухаживает за ними. Вот она, на этой фотографии.

Со снимка улыбается кругленькая смуглая девушка. Наверное, услышала что-то смешное, потому что смеются ее небольшие карие глаза, курносенький носик и ямочки на щечках. Она стоит, обнимая за плечи бледную светловолосую девушку с большими грустными глазами. А тебе не весело, блондиночка? Не очень, по всему видать. Потому что это... я?

– Что вас беспокоит?

«Нет, видели вы такое? Он еще спрашивает!»

– Скажите мне... только скажите правду... Когда это пройдет?

Он посерьезнел. Небольшая вертикальная морщинка прорезает его лоб, глаза потемнели. Господи, ну о чем я думаю? Как же, такой красавчик именно для такой уродины, как я! Но меня привлекает его лицо... Нет. Это просто нелепо и смешно.

– Юлечка, видите ли, дело вот в чем... А, черт! Ну, хорошо. Скажу как есть. Я не знаю. Правда, не знаю. В каком-то другом случае я попробовал бы определенную методику, но после такой тяжелой травмы – нет. Поэтому скажу прямо: возможно, память к вам вернется со временем. Возможно, вследствие какого-то внешнего толчка. А возможно, вам придется принять такое положение вещей и начать жить сначала. Поверьте, на свете есть достаточно людей, которые с удовольствием поменялись бы с вами местами, лишь бы забыть некоторые вещи.

– А мне есть что забывать? Что еще есть такое, что мне необходимо знать?

– Вы не замужем и у вас нет приятеля. Хотя, конечно, может, и есть, но вы не делились этим с подругой. Света говорит, что вы во многом были откровенны с ней, но что касается вашей личной жизни, то она ничего об этом не знает. Что само по себе уже довольно странно, вы не находите? Вообще, здесь много непонятного.

– Что вы имеете в виду?

– Вас характеризуют как человека жесткого и немногословного. Я могу ошибаться, но... Вы совсем такой не кажетесь. Возможно, из-за травмы... некоторая перемена в темпераменте... И тоже нет. А впрочем, об этом еще рано говорить. Если позволите, я хотел бы наблюдать вас и дальше, после выписки из больницы.

– Как за подопытным материалом?

– Именно так.

Это хорошо, что он не рядит правду в розово-сладенькие одежды приличий. Мы отлично поняли друг друга. Он сказал то, что и должен был сказать, что имел в виду. И меня это не раздражает нисколько.

– Вас не шокировала моя откровенность?

– Нет. Так и должно быть.

– Я почему-то сразу так и решил, что вы не потерпите словоблудия.

– Вы правы. Когда я могу отсюда уйти?

– Через пару дней. Снимем повязку, проведем несколько тестов, и вы сможете возвратиться домой. Хотя, конечно же, некоторое время вы не сможете приступить к работе. Но, уверен, все будет в порядке, самое страшное уже позади.

Все будет в порядке? Блажен, кто верует...

Старый дом встретил меня хмурым молчанием. Второй час пополудни. Желтое такси остановилось прямо перед подъездом. Я здесь живу? Не знаю. Но наверное, здесь, раз уж меня сюда доставили.

– Осторожно, не ударьтесь головой.

Какой внимательный кавалер, милейший Виталий Петрович! Вызвался сопровождать меня домой. Ему, видите ли, так спокойнее. Знать бы наверняка, что ему от меня нужно на самом деле! А все же лучше он, чем кто-то совсем незнакомый. Стоило мне представить себе, что рядом будет человек, которого я впервые в жизни вижу, который знает обо мне больше, чем я сама, мне надо будет поддерживать светскую беседу, все время болезненно напрягаясь от своего полного бессилия хоть что-то вспомнить, от неловких пауз и неискренних извинений... Нет! Я не хочу. Мне надо побыть одной. Поэтому я решила взять такси. Таксист не будет мешать мне. Но тут вмешался этот... эта жертва профессионального долга. Спешите видеть: привез мне одежду и поехал со мной. Черт с ним, пускай! Я к нему уже немного привыкла.

– Спасибо, не тревожьтесь. Все в порядке.

Машина уехала, а мы остались. Я хочу зайти и не хочу. Слишком уж красиво цветут клены, а их запах... что-то мне

напоминает. Я помню этот запах – такой свежий, терпкий и сладкий одновременно. Где я могла его слышать? Хотя – конечно, если я здесь живу, то... Да только нет, не так... Я уверена, что со светло-зелеными соцветиями кленов у меня связано что-то... Нет. Не могу вспомнить.

– Вам что-то вспомнилось?

– Нет. Идемте.

Мы поднимаемся по лестнице. Наши шаги гулко отдаются под потолком – там, вверху, где заканчиваются ступеньки. Просторная лестничная клетка и две двери друг напротив друга. Доктор подает мне ключи:

– Ваша квартира – номер сорок четыре. Открывайте.

– Сделайте это сами.

Это хорошо, что он ничему уже не удивляется. Он столько всего видел в своей – и чужой – жизни, что его сложно чем-нибудь удивить. И это хорошо. Бронированная дверь, обитая деревом, мягко открывается, и я захожу в прихожую. Просто коридор, стены покрыты панелями под дуб, паркет виден там, где кончаются узоры ковровой дорожки. В углу – тумбочка какого-то темного дерева, просто в размер – треугольником. На ней – искусственные розы и красный телефонный аппарат. На стене какая-то невыразительная картина, которая удивительно подходит к этому помещению. Потолок из белого пластика, на нем – красивая стеклянная люстра: белые стеклянные цветы и прозрачные подвески. Очень удачно, даже стильно.

– Может, вам стоит переодеться и отдохнуть?

Как бы это ему намекнуть, чтобы он оставил меня в покое?

Я снимаю обувь и плащ, оставляю их в шкафу у двери. Прохожу дальше и открываю темные деревянные двери с цветными стеклянными вставками. Очевидно, это спальня. Розовые шторы, бледно-розовые обои, широкая красивая кровать, застеленная пушистым бордовым покрывалом, полированный гарнитур. Картины на стенах. Книги на полках, которые закрывают часть стены. Красиво. Если я тут живу, то мне уже нравится. Я открываю дверцы шкафа. Платья, блузки, костюмы. В ящиках – белье. Несколько красивых халатиков. Но мне хочется надеть что-то другое. А впрочем, какая теперь разница? Мне бы только спровадить как-нибудь повежливее прекрасного в своем служебном рвении эскулапа. А потом... Я решу, что мне делать.

– Светлана тут подсуежилась и наготовила для вас всякой всячины. Поэтому отдыхайте. Я могу вам позже позвонить?

– Да, конечно. У вас есть номер моего сотового. Скажите, вы обо всех пациентах проявляете такую заботу?

Это, наверное, звучит резковато, но мне сейчас не до церемоний. Я должна знать. Потому что все это... Такое ощущение, что все ненастоящее. Ощущение какой-то временности и неопределенности событий. Как во сне.

– Нет, вы же сами это понимаете. Ваш случай особенный.

– Позвольте спросить, что в нем такого особенного? Ну,

была авария, стукнулась я башкой, вы поковырялись в моих мозгах, теперь я себя саму позабыла. Ну, и что здесь особенного? Вы же сами сказали – такое иногда случается.

Проклятая пустота в голове никак не исчезнет. Я понимаю, что начинаю выходить из себя. Стоп. Он не должен это заметить. Не знаю, почему, но не должен.

– Видите ли, Юлечка, сейчас, вот прямо сию минуту, я не смогу вам всего объяснить. Мне еще надо поработать, понаблюдать, кое-что обобщить. Сейчас могу только сказать: вы – абсолютно здоровая женщина. Физически. А вот ваша амнезия... Здесь есть нечто странное. Со временем, когда я сделаю какие-то выводы, я все объясню, обещаю вам это.

– И когда это произойдет?

– Трудно сказать. Я предлагаю такой вариант: мы с вами будем встречаться ежедневно. Я проведу несколько дополнительных тестов, параллельно мы обратимся к вашему прошлому – при помощи ваших друзей, знакомых, коллег. И только тогда можно будет выносить вердикт, и то не окончательный. Что вы на это скажете?

– Зачем это вам?

– Я пишу научную работу. В ней идет речь именно о лечении некоторых посттравматических расстройств памяти. Это, естественно, только часть моей работы, предлагаемые мной методики абсолютно новые, вот поэтому...

– Дальше можете не объяснять. Я согласна быть вашим подопытным кроликом.

– Вот и прекрасно. Вы практичная женщина, мне это нравится. Я думаю, у нас все получится. А сейчас мне пора, вы отдыхайте. Позже я вам перезвоню. Напрасно вы отказались от предложения Светланы. Лучше бы она была сейчас здесь, с вами. А впрочем... это ваш выбор. Мне пора. Всего хорошего.

– До свидания.

Наконец, наконец он догадался уйти! Я иду на кухню. Бело-розовые кафельные плитки радостно улыбаются мне. Или счастливы своей чистотой. Микроволновая печь, плита, мебель светлого дерева. Очень уютно. Мне, наверное, нравилось сидеть здесь и пить с подругами чай. А может, и нет. Но теперь мне это наверняка будет нравиться. Да, у меня же нет подруг... Ну ладно, не страшно.

В холодильнике салаты, жаркое, суп, сыр – много чего. Вот только я совсем не голодна. Я лучше осмотрю две другие комнаты. Гостиная в голубых тонах и золотисто-белый кабинет. Ничего лишнего, ничего, что могло бы сообщить мне о моих привязанностях и предпочтениях. Так, словно этот уголок старого дома мне... чужой? Да. Чужой. Что со мной такое?

Я ужасно устала. Мне хочется прилечь и поспать. А почему бы и нет? Это же **мой** дом. Я здесь живу. Жила. Не знаю. Или мне все это снится. Так нет! Не может быть.

Я снова направляюсь на кухню. Что я здесь ищу? Ага, вот – набор ножей. Моя рука берет нож. Рукоять мне привычна.

Зачем я это сделала? Зачем мне сейчас нож? Я не знаю. Нет, я знаю, но не могу вспомнить. А это одно и то же. Я кладу нож на место.

Не знаю, сколько я спала. Разбудил меня телефонный звонок, настойчиво зудящий в прихожей. Я проснулась. Нет, я вынырнула из отвратительной пустоты и какое-то время не могу понять, где нахожусь. Что это за комната? Почему-то в памяти всплывает кирпичный домик посреди веселых газонов, обсаженный кленами. На крыше вращается флюгер. Стекланные террасы... Я знаю, что это – мой собственный дом.

Но воспоминание мелькнуло и погасло. Я помню, что именно вспомнила, но этого так мало! Возможно, это просто мое воображение. Телефон никак не заткнется. Ну, неужели так трудно сделать элементарную вещь – оставить человека в покое? Наверное, трудно, потому что телефон скоро потечет на пол ручейком расплавленной пластмассы.

– Слушаю вас.

– Юлька, ты чего трубку не берешь? Сотовый отключен почему-то, а домашний не отвечает, а я же точно знаю, что ты дома. Уже волноваться стала. Я привезу сейчас Макса, хочешь? Юлька, чего ты молчишь? Тебе что, плохо? Может, позвонить доктору? Юлька!..

– Простите, с кем я говорю?

От судьбы не уйдешь. Я все-таки должна по новой знакомиться со всеми своими знакомыми. На другом конце про-

вода стало тихо. Словно одним движением перекрыли кран, из которого щедро лилась вода.

– Прости, пожалуйста. Так это все-таки правда? Господи... доктор говорил мне, что у тебя... Что ты... Но я как-то не думала, что... Я и представить себе не могла... Прости, я совсем спятила. Юльчик, это я, Светка. А Макс – твой кот. Он все время жил у меня, пока ты... Мне приехать?

– Как хочешь, дорогая.

– Я выезжаю.

Я не хочу, чтобы она приезжала. Но я не могу сказать ей об этом, ее бы это обидело, а она так заботилась обо мне. Присматривала за котом, приготовила обед. Но я **не хочу никого видеть**. По крайней мере сейчас. Может, стоило ей сказать? Но уже поздно.

Мне ужасно хочется... я знаю чего. Я хочу снять свою одежду и почувствовать теплые струйки воды. Чистой воды. А еще – аромат хорошего мыла. Классная штука – душ! Так я и сделаю. Розовое мыло пахнет розами и еще чем-то. Голубые оттенки ванной как нельзя лучше подходят к моему настроению. Как мало нужно человеку для счастья... По крайней мере мне в данную минуту.

Я снова заглядываю в зеркало. Что сказать, картина известная. Волосы начали отрастать, но рубец еще виден. Надо купить какой-нибудь парик. Подрихтую вывеску и вообще – сделаю что-нибудь, чтобы не чувствовать такого глубокого отвращения к самой себе. И не чувствовать себя такой... об-

манутой. На фоне чужих совершенных лиц и фигур.

Тренькнул звонок – быстро она добралась! Очень спешила? А если это вообще не она? Я набрасываю на себя халат и тихонько иду к двери. Сначала загляну в глазок. Ведь у нее есть ключ, почему же она звонит? Нет, это, конечно, она. Наверное, не хотела застать меня врасплох. Или мы договорились: если я дома, то открываю сама. Скоро я все узнаю.

– Юль, я так скучала без тебя, если б ты только знала! Я принесла газеты, только что бросили в ящик. Какая ты странная с этой прической! Макс пусть немного побудет у меня, ты еще не сможешь о нем как следует позаботиться. А он же такой избалованный и требовательный! Ты молчишь?

Я молчу? Ах да, действительно. Я молчу. Я не знаю, что говорить этой кругленькой живой девушке с веселыми карирами глазами и симпатичными ямочками на щеках. Я молчу – это единственное, что я, по-моему, могу сделать в этой ситуации. Я слушаю ее. Ведь говорят, что она – моя близкая подруга. Вернее, единственная. Была. А вот будет ли теперь – не знаю. Может, во мне самой что-то изменилось.

– Извини.

– Юль, неужели такое может быть? Ты все забыла? Со всем?

– Да.

Она долго вглядывается в мое лицо. Что она там хочет увидеть? Мне становится немного неуютно. Не такая уж я красotka, чтобы меня рассматривать. Что же теперь делать?

Я хочу, чтобы она ушла. Но она об этом не догадывается.

– Ты очень изменилась, знаешь? – Конечно, как никто другой, знаю. Что толку об этом спрашивать и так все ясно!

– Нет. Я не знаю, какой я была.

– Ты была жесткой. На работе тебя все боялись, как черт лаdana. У тебя не было друзей – только я.

– Почему?

– Ты не стремилась к этому. Для тебя главное – карьера и деньги, чтобы обрести независимость. Я помню, как ты рассказывала мне о той кошмарной, унижительной бедности, которую ты познала в детстве. Пенсия у твоей бабушки была крохотная, тебе как сироте выплачивали какую-то помощь, которой даже на хлеб не хватало. А твои одноклассники щеголяли в модных нарядах. Многие смеялись над тобой. Это когда ты уже выросла, то стала шить себе такие вещи, каких не было ни на одном рынке, но унижение, которое пришло из детства, оставило след на всю жизнь. Наверное, потому ты иногда бывала жестокой к людям – ведь люди тоже были жестоки с тобой именно тогда, когда ты была абсолютно беззащитной.

– Я не об этом... Но все равно: почему ты дружила со мной, если я такая, как ты говоришь?

– Потому что вижу тебя по-другому. Ведь никто из твоих коллег не знает, что именно ты организовала в пригороде приют для сирот. Никто не знает, что ты перечисляла деньги на операции нескольким детям, и только благодаря этому

они выжили и получили второй шанс. А ты даже не позволила раскрыть свое инкогнито, чтоб их родители поблагодарили тебя. Я дружу с тобой и люблю тебя, потому что знаю тебя **настоящую**.

– Все это так странно. Слышать о себе такое – а я же ничего этого даже вспомнить не могу. Что мне делать? И надо же как-то работать, а я не в состоянии ничего... Со мной раньше никогда подобного не случилось?

– Нет, никогда. Во всяком случае, с тех пор, как я тебя знаю – а это почти четыре года.

Четыре года. Именно столько прошло со дня смерти моей бабушки – туда-сюда полгода, судя по документам. Где-то в то же время я переехала в эту квартиру – согласно договору о купле-продаже. Я видела его в папке, которую дал мне док. Четыре года я знакома со Светланой. А что было **до этого**? Кто знал меня раньше? Откуда у меня средства, чтобы открыть собственный дом моды? Где-то должны быть более давние документы. Должны быть люди, которые помнят меня дольше. Четыре года... Странно.

– О чем ты думаешь?

– Так, ерунда. А как мы с тобой познакомились? – почему-то это важно для меня. Может, у меня паранойя? Кто знает...

– Я психолог. Ты пришла ко мне на прием. Сначала ты заинтересовала меня как пациентка, а уже потом мы по-настоящему подружались.

– Я нуждалась в помощи психолога? Почему?

– Ты вернулась из Парижа, с Недели высокой моды. Что-то там случилось, ты никогда не рассказывала подробностей. И это что-то тебя просто подкосило. Ты даже лежала в тамошней больнице с тяжелым неврозом. Возможно, просто стечение обстоятельств: ты очень хотела показать там свою лекцию, много работала, а ладить с людьми тебе всегда было непросто... Как бы там ни было, произошел нервный срыв, ты некоторое время лечилась за границей, потом вернулась домой, но все как-то не могло вернуться на круги своя. И ты обратилась ко мне.

– Как ты могла помочь мне, если я ничего тебе не рассказала?

– Мы подошли к проблеме с другой стороны. Тебе следовало научиться общаться с людьми без конфликтов. Вследствие тяжелых детских переживаний ты всегда ждала от людей самого худшего – предательства, лжи, унижения. И сама поступала с людьми так, часто – безосновательно.

– Что-то изменилось?

– Да, мы были... скажем так, на пути к успеху. Ты оказалась слишком впечатлительной. И слишком хорошо помнила свое детство. Но это и неудивительно, ведь по гороскопу ты Рак. А для людей этого знака детство – самый важный период в жизни.

– Ты веришь гороскопам?

– Тем, что печатают газеты, – нет. Я отлично понимаю,

что невозможно миллионам людей предсказать что-то одно. Но астрология – одна из самых древних наук, а думать, что древние были дураками, неверно.

– Может быть. Поедим? Я проголодалась.

– Так ты до сих пор ничего не ела? – Светлана срывается с дивана и мчится на кухню. – Ах ты, негодзяйка! Я старалась, готовила, а она проигнорировала! Иди сюда, бродяга, буду тебя кормить. Нет, это же надо! Какая наглость! Решила подохнуть с голоду именно тогда, когда... Да идешь ты или нет?!

Я иду. Мне как-то... приятно, наверное, слышать ее стелания и обеспокоенный голос. Я чувствую, что ее забота абсолютно искренняя. Ей ничего от меня не надо. Или она тоже пишет какую-то научную работу? Нет. К чертям собачьим такие мысли, потому что от них может и крыша поехать! Я подумаю об этом потом.

Впервые за долгое время я ощущаю вкус еды. Наверное, я уже не так расстроена. Хорошо, что она приехала. Она мне нравится. Бог знает, сколько времени я бы приходила в себя без нее.

– Кстати, у тебя весьма привлекательный лечащий врач, мне очень понравился. Ты обратила внимание? – Ее глаза смеются, а я от неожиданности едва не подавилась. Господи, ну и тема для разговора!

– Нашла о чем говорить! – Я проглотила кусок пирога с яблоками. – Ничего особенного. Пристал как банный лист –

пишет какую-то научную работу, а я нужна ему для опытов.

– Он сам тебе это сказал?

– Ну, да, так и сказал, а что?

– А ты ему что?

– Сама-то как думаешь? Естественно, я согласилась. Чего там разводить церемонии? Это обычный контракт: он использует меня для своих опытов, а тем временем его методика, возможно, даст нужный результат. Вот и все.

– Или окажется безрезультатной.

– Риск есть всегда. Но попробовать стоит.

– Ты сейчас совсем такая, как раньше. Тебя никогда ничего не шокировало. Все могли страшно возмущаться по тому или иному поводу, но не ты. Мне всегда было жаль тебя из-за этого. Я все думала: что же ты должна была увидеть в жизни, чтобы вот так... успокоиться, что ли?

– Теперь мы этого уже не узнаем.

– Возможно, – она снова улыбается. – А он все-таки красавчик, правда?

– Да.

– Ну, наконец! Я даже хотела немного поприставать к нему, но он не обратил на меня внимания. Как ты считаешь, он больше любит худеньких?

– Я могу спросить у него, хочешь? Он должен мне позвонить сегодня.

– Ты что, спятила? Не смей!

– Почему? – Мне немного смешно. – Вот возьму и спро-

шу. Ради тебя. Он ведь нравится тебе? Ну вот.

– А тебе разве не нравится? Ну, чего так смотришь? Пей, пей компот. Вот, еще кусочек пирога съешь. Так как?

– Даже если и нравится, что с того? Это выглядело бы просто смешно. Он ведь и вправду очень красивый мужчина, и умный, и вообще... А я – чучело и уродина. Поэтому меня не посещают подобные мысли. По одежке протягивай ножки.

Я вижу, что говорю что-то не то, что-то, что удивляет ее до крайности. Но я говорю, что думаю, то, что есть. Что же ее так удивляет? Разве раньше я по-другому выглядела? Так ведь нет, я видела фотографии. Я была в точности такая же, только с волосами и не такая бледная.

– Юлька, что ты несешь?

Она выглядит очень удивленной. С чего бы это?

– Не понимаю?

– У тебя что, развился комплекс неполноценности? Вот это номер! Неужели это из-за того, что... Да, здорово ты головой приложились, если тебя стали посещать подобные мысли!

– Я не знаю, чего ты хочешь от меня. Я сказала то, что есть. Разве нет? Я, конечно, еще немного не в себе, но ведь не слепая же!

– Раньше у тебя не возникало никаких сомнений насчет твоей внешности. Даже наоборот... Я просто ушам своим не верю. Ерунда какая-то! Это надо додуматься! Ты такая же, как и раньше. Очень красивая беленькая Снегурочка.

Нет, не похоже, что она смеется надо мной. Может, это я чего-то не понимаю? Или как-то не так вижу? Вот: я ожидала увидеть какое-то другое лицо, когда заглянула в зеркало. Что я хотела там увидеть? И почему?

— Ну, что с тобой? — Ее глаза смотрят на меня с таким искренним сочувствием, что я просто не знаю, что ей сказать.

— Сама не знаю. У меня были... отношения с мужчинами?

— Я не знаю. Но за то время, что мы знакомы, думаю, никого у тебя не было. Ты никому не доверяла настолько, чтобы так близко к себе подпустить. Хотя знаю нескольких мужчин, которые были влюблены в тебя.

— Были?

— Да. До того, как случилось это несчастье. Ты теперь другая. Я чувствую, что ты во многом изменилась. И я не могу это себе объяснить. Разве так бывает?

— Док тоже говорил, что в моей амнезии есть некоторые особенности. Как все произошло? Тогда, на дороге. Ты подробности знаешь?

— А ты уверена, что хочешь услышать?

— Абсолютно. Я должна кое-что понять, потом скажу.

— Ладно. Я и вправду знаю о том, что случилось, все, до мельчайших подробностей, потому что мой бывший муж работает в милиции. Поэтому я читала все отчеты, протоколы допросов свидетелей и прочее. У меня даже ксерокопия есть — но об этом молчок, это абсолютно незаконно.

— Когда я смогу увидеть эти документы?

– В ближайшее время. Они в банке, в моем сейфе. А я пока расскажу то, что помню. Так, случилось это второго марта, около двенадцати. Мы с тобой были в кафешке, пили кофе, ты почему-то сильно нервничала. Вы тогда готовили к показу новую летнюю коллекцию, поэтому я не расспрашивала. Ты рассказывала сама, если хотела, а если я начинала расспрашивать, тебя это иногда раздражало. Поэтому мы просто сидели и пили кофе. А потом ты сказала, что тебе пора, и подозвала официанта. В это время в помещение вошел какой-то мужчина, и ты сказала: «Я его в последнее время слишком часто вижу. Такое ощущение, что он за мной следит». Я тогда рассмеялась и сказала: «Значит, возле твоего вивама есть новый скаल्प?» Но ты даже не улыбнулась. Я тогда решила, что ты переутомилась. Ты всегда была такая перед ответственными показами, тебе всегда казалось, что кто-то опередит тебя, сделает лучше. А тот мужчина купил пачку сигарет и вышел. Я видела, как он сел в синий джип и уехал. Ты в это время рассчитывалась с официантом и не видела то, что видела я. А потом ты еще раз взглянула на часы и сказала, что тебе пора, что у тебя назначена важная встреча. Я осталась доедать пирожные, а ты пошла на стоянку. Я видела, как ты отъехала.

– В какую сторону я поехала?

– В центр. Ты не сказала, с кем назначила встречу, а я доела пирожные и пошла к себе – у меня на час был записан пациент. Я решила позже перезвонить тебе. Но сколько я ни

звонила, телефон молчал. Тогда я поехала к тебе домой, накормила Макса, приготовила ужин и стала ждать. А тебя все не было. Я беспокоилась, — голос ее начинает дрожать.

— Разве я никогда не задерживалась?

— Задерживалась, конечно. И не раз. Но ты заботилась о Максе, поэтому всегда предупреждала меня, и я приезжала и хозяйничала здесь. А в тот день ты ничего не сказала, а уехала такая... на взводе... Я страшно волновалась. А где-то уже ближе к одиннадцати вечера мой бывший наконец додумался позвонить мне на сотовый. Как он потом объяснял, ему попался на глаза какой-то облезлый котище на мусорнике, и он тут же вспомнил Макса — ничего себе ассоциативное мышление? — и вспомнил, что я часто ухаживаю за ним. Я чуть в обморок не грохнулась, когда услышала о несчастье, поехала в больницу, но тебя там уже не было, тебя забрали в тот институт. Дежурный врач позвонил туда, а ему сказали, что тебя только что привезли из операционной и дело плохо. Юрка повез меня к тебе домой, я была страшно расстроена. Он рассказал, что его вызвали на место аварии где-то около часа дня, это буквально минут через двадцать после того, как мы расстались. Все сходились на том, что твою машину просто занесло — гололед был страшный, но какая-то женщина утверждала, что тебя специально толкнула большая синяя машина. Мол, она обратила внимание на странные маневры автомобилей: один, большой и тяжелый, бьет маленький, красного цвета. Эта женщина не разбирается в

марках машин, но упрямо доказывала, что именно большая синяя спихнула с дороги твою. А потом быстро уехала. Но ее слова никто больше не подтвердил. Как всегда у нас: никто ничего не видел и не слышал. На неудобную свидетельницу закрыли глаза и вынесли вердикт: несчастный случай. И все. Дальше ты знаешь.

— Тот мужчина, о котором я говорила, уехал на синем джипе?

— Я сама видела. Он поставил его прямо за окном, ты сидела к нему спиной. Он же просто забежал купить сигарет.

— И женщина-свидетель утверждает, что меня преследовала большая синяя машина? Ты не замечаешь странности?

— Господи, боже... Конечно же! Я и не подумала... наверное, потому, что даже мысли допустить не могла, что... А может, это быть просто совпадением?

— Я не верю в совпадения.

— Да, конечно... Но ведь эта женщина действительно могла все придумать?

— И зачем ей это понадобилось?

— Ну, не знаю. Чтобы обратить на себя внимание. Это возможно.

— Возможно. Поэтому я сама увижусь с ней и обо всем расспрошу.

— Зачем? Может, лучше будет обо всем забыть и жить дальше? Ой, прости... Я ляпнула глупость.

Конечно, дорогая, еще какую глупость. Забыть обо всем!

Да я саму себя забыла! Как мне жить с этим?

– Ну и как ты себе представляешь? Если кто-то за мной следил, а поскольку паранойей я не страдаю, примем это как рабочую версию. Так вот, у этого кого-то были причины меня убить. Я еще жива – значит, эти причины у него есть до сих пор. Ты считаешь, я должна смиренненько сесть и изобразить мишень? Как, по-твоему?

– Но можно обратиться в милицию...

– Это смешно! Они там скажут: «Приходите тогда, когда вас уже убьют. А пока сходите-ка, долечите голову». Ты сама это понимаешь. Дело о дорожно-транспортном происшествии закрыли, успешно отрапортовали, доказательств нет. Я сама должна позаботиться о себе.

– Детектив какой-то. Похоже на дурацкий американский триллер. Но этого не может быть, ведь... У тебя не было **таких** врагов. Тебя нельзя было назвать приятной в общении, но убивать из-за этого... Невероятно. Ты понимаешь?

– Я потеряла память, но не спятила.

Какое-то время мы сидим молча. Я даже не заметила, что стемнело. В доме напротив уютно светятся окна. Как хорошо иметь свое жилище в этом большом холодном городе, где цветут клены, где гудит поток машин и спуют люди! Разные люди, которых я не знаю. У них свои дела, они кого-то любят, им есть что вспомнить в жизни. Но наши дороги не пересекаются. Каждый – словно остров в океане. Один. Нет, скорее как архипелаг: у каждого есть родня, друзья, с которыми

связана их жизнь. Но все они чужие мне. Я сама себе чужая.

– Что ты говоришь? – Это Светлана. Только она сейчас связывает меня со мной.

– О чем ты?

– Ты что-то говорила сейчас, но я не поняла. Я даже не знала, что ты так говоришь по-английски.

По-английски? Так это... вот что крутится у меня в голове, а мой язык пытается произнести! Но как?.. Я не знаю.

– А какие языки я знаю?

– Ты говоришь по-французски и по-итальянски. Но я не знала, что ты выучила английский... Да нет, ты говорила так, будто это твой родной язык. Этого не может быть. Я не считаю себя таким уж знатоком английского, поэтому, конечно, не могу судить... Но ты только что говорила по-английски, точно.

– Может, я и раньше могла?

– Все может быть. Ты была все-таки очень скрытной. А твой педантизм... Если ты что-нибудь делала, то всегда безупречно. Я даже думала иногда: как только не надоест? Вот и объяснение, очень простое, как же я сразу не подумала! Ты же страшно педантичная, значит если уж взялась изучать язык, то... Вот видишь, ты уже начала что-то припоминать!

Действительно, простое объяснение. Но что-то говорит мне, что надо искать не простоту, а истину. Только как ее искать? И стоит ли? Может, док прав: некоторые вещи лучше вообще забыть... Нет. Нет! Я должна знать. Если не вспом-

нить, то хотя бы знать, знать наверняка.

Зазвонил телефон. Я пошла в прихожую. Кто бы это мог быть?.. А-а, ну как же!

– Добрый вечер, Юлия. Я не слишком поздно?

– Нет, мы еще не спим. Вы что-то хотели?

– Приехала Светлана?

– Да.

– Это хорошо. Тогда давайте договоримся: я завтра более-менее свободен, с утра только заеду в стационар, у меня есть несколько пациентов. А потом приеду к вам. Вы будете дома где-то в двенадцать?

– Я думаю, еще несколько дней буду дома.

– Отлично, договорились. Теперь отдыхайте, доброй ночи.

– До свидания.

Я кладу трубку и иду на кухню. Светлана моет посуду.

– Это Виталий звонил?

– Точно. Сказал, что завтра начнет свои опыты. Я тебе расскажу.

– Попробуй только не рассказать, улитка несчастная! Я тебя голодом заморю.

Мне становится так смешно, что я просто взрываюсь хохотом. Почему улитка? Ах да, я же не слишком контактный человек. Нет, это надо придумать? Улитка!

– Почему ты так смотришь на меня?

Действительно, уставилась на меня, глазенки круглые и

растерянные. Что же я опять отколола?

– Ты... смеешься?

– А что? Нет, просто ты так смешно сказала, а я себе представляла...

Нет, я просто не в силах удержаться, до чего смешно!

– Я никогда не видела, как ты смеешься! Иногда ты улыбалась, но так хохотать... Впервые вижу.

Последнее перышко сломало спину верблюда. Хорошенькая история. И я не знаю, как объяснить... Мы пришли туда, откуда и начинали. Господи, ну хоть маленький лучик пошли в мою башку! Нет. Не могу. Вот кажется: еще немного – и я все вспомню. Что-то очень важное. Но – нет. Чем сильнее я напрягаюсь, тем дальше уходит краешек таких нужных мне воспоминаний... Это меня бесит. Как дешевый латиноамериканский сериал.

Рукоять ножа привычно ложится в мою ладонь. Секунда – и, серебристо блеснув, лезвие вошло в деревянную дверь. Именно туда, куда я и целилась. Даже не взглянув на побледневшее личико Светланы, я молча направляюсь в спальню. Я хочу спать. Я взвинчена, сбита с толку и страшно устала.

Темная вода сомкнулась над моей головой.

– И все-таки, Юлечка, что вам сегодня снилось?

Его улыбка кажется мне слишком профессиональной, как и его интерес. У меня, конечно, паскудный характер, и, может быть, я просто придираюсь к мелочам, но я проснулась не в настроении. Мне и вправду снилось что-то весьма неприятное. Светлана несколько раз будила меня, потому что я стонала во сне – так она говорила. И я ненадолго вырывалась из липкого кошмара, а потом все начиналось по новой. Но что?

– Ничего особенного.

Не хватало мне еще свои ночные видения пересказывать ему!

– Света утром звонила мне. Она говорит, вы всю ночь кричали и метались. Что же вам снилось? Вы должны мне рассказать. Сны человека – это путь к его подсознанию. Сигнал. Так что вам лучше рассказать.

Ох уж эта мне Светка! Наш пострел везде поспел. Обо всем позаботилась. Вчера вечером безапелляционным тоном заявила, что пока поживет у меня, будет спать на диване в кабинете. По ее словам, я просто не в себе, и оставить меня одну в пустой квартире она не может. Ее, видите ли, напугал мой фокус с ножом. Знала бы она, как он меня напугал! Я и не подозревала, что умею проделывать такие штуки. Светла-

на, которая знала меня четыре года, тоже не догадывалась о моих талантах. И еще кое о чем. Хотя была для меня самым близким человеком. Так о чем я должна рассказать?

– Я не очень помню свой сон. Все размыто, как в тумане.

– И все-таки? Вспомнить нужно обязательно.

А, прах тебя побери! Зачем мне все это? Напрасно я согласилась.

– Я попробую, но... Ладно. Итак, мне снился коридор. Длинный коридор, с двух сторон которого находятся двери. Много дверей. Как в больнице. Только это была не больница и двери были другие.

– Какие именно?

Вот ведь пристал, зануда!

– Я не знаю. Просто другие. Не деревянные, а словно из пластика. Ах да, на них еще были какие-то окошечки и номера. Окошечки открывались только со стороны коридора. А я иду по коридору и мне почему-то очень страшно. Я не могу сказать, что меня так пугает, но страх и сейчас сидит где-то внутри.

– Там никого нет?

– Нет, сначала – никого. Я просто иду по этому коридору. Мимо дверей. Я не хочу, но почему-то знаю, что должна идти. Понимаете? Должна. И иду. А потом у меня за спиной появляется какой-то мужчина. Я его не вижу, но чувствую, что он там. Я хочу оглянуться, но не могу. Он закрывает мне лицо какой-то... не знаю, тряпкой или пленкой – и мне нечем

дышать. У меня в руках...

– Что у вас в руках?

– Нет. Ничего. Я не могу вспомнить.

– Вы намеренно не хотите мне сказать. Юля, вы что-то утаили от меня.

– Я не помню. Это просто сон.

– Ну, хорошо. Оставим это. Скажите, а лицо человека вы видели?

– Нет.

– Откуда же вы знаете, что это был мужчина?

– Во сне я это точно знала. Я не видела его, но знала, что он там.

– Что было у вас в руках?

Ну, нет, парень, я в такие игры играю получше. Если я не хочу говорить, значит, не скажу – хоть на ремни меня порежь.

– Док, давайте пока оставим эту тему.

– Ладно. А вы очень упрямы. Видите ли, Юлечка, если вы не будете мне доверять, наши занятия будут напрасными.

– Видно будет. Лучше скажите мне вот что: мое лицо сильно пострадало в аварии?

– Нет. Ну, как водится: синяки, ссадины, но ничего катастрофического. Пластическую операцию делать не пришлось. А почему вы спрашиваете?

Слишком уж внимательно он смотрит, а именно этого мне бы и не хотелось. Светка может говорить что угодно, да толь-

ко я останусь при своем мнении.

– Просто так.

– Вы не хотите поговорить об этом? Ведь я заметил, вас что-то сильно угнетает. Пожалуйста, расскажите мне.

– Я не думаю, что хочу об этом говорить. Особенно с вами.

– Ну, я прошу вас. Не ради нашей совместной работы. Просто ради вас. Попробуйте. Кстати, вы не предложите мне кофе?

– Конечно, я должна была сама предложить. Это страшно невежливо с моей стороны. Пойдемте в кухню, там еще оставался Светкин пирог с яблоками.

Мы идем в кухню, я включаю кофеварку. Но мне совсем не хочется кофе. Когда он сварился, я наливаю ему чашечку, ставлю пирог, а сама начинаю шарить по шкафчикам.

– Вы что-то ищете? И почему вы налили только мне?

– Мне совсем не хочется кофе. Я тут ищу... Может, найдется...

Приспичило мне томатного сока, просто до ужаса. Ага, есть!

– Вы любите томатный сок?

– Похоже, да, раз мне его хочется.

Мы сидим и молча пьем – каждый свое. Он уже не волнует меня так, как при первом знакомстве. Может, потому, что я...

– Как выладили со Светланой?

– Она просто чудо. Хотя поначалу нам было немного

сложно, потому что... Нет, я не знаю, почему. Я действительно такая, как она говорила?

– Я тут уже ничем не могу помочь. Я ведь знал вас уже такой, как сейчас. Мы же не были знакомы раньше. Но я не могу поверить, что вы – плохой человек, как мне говорили.

– Кто говорил? – Вот это номер! Он обсуждал меня с кем-то, и меня за глаза облили грязью. – Мне интересно, расскажите.

– Вы уверены, что хотите знать?

– А вы как думаете? Конечно, хочу. Я даже должна знать. Мне ведь надо продолжать как-то жить.

– Я думаю, что мы поговорим об этом позже. А сейчас мне хочется вернуться к другому. Расскажите, что вас так угнетает. Пожалуйста. Я обещаю: этот разговор останется только между нами.

– Я не уверена, что... Впрочем, черт с вами, милейший Виталий Петрович, вы тоже чертовски упрямый человек. Я скажу вам, но если станет смешно, не хохочите слишком громко – у меня ранимая душа. Нет, не надо ничего говорить – я сейчас скажу. В тот день, когда меня проверяли на вашем детекторе лжи – ни смейте отрицать, это был детектор лжи, что бы там ни плел мне ваш лысый психиатр с иезуитским блеском в глазах, я и без детектора видела, что он врет как сивый мерин, так вот, в тот день я заставила вашу куколку Маринку повезти меня в душ. А там на стене есть зеркало. Понимаете?

– Честно говоря, пока что – не очень.

– Док, не стройте из себя идиота. Вы все прекрасно понимаете. Я же не помнила своего лица, вы это знаете. Вот и заглянула в зеркало. И все увидела. Из-за этого...

Длительное молчание меня уже тяготит. Я вижу, что ему не смешно. И совсем меня не жалко. Взгляд у него скорее ошарашенный. Так, словно... словно он не понял ни слова из того, о чем я ему толковала. Наверное, я спятила втихаря, раз люди перестали меня понимать.

– Юля, вы позволите мне задать вам несколько вопросов?

– Только не спрашивайте, какой сегодня день и сколько пальцев на руке.

– Да нет, речь не о вашей вменяемости, она сомнений не вызывает. Скажите, а что вы ожидали увидеть? Ну, там, в зеркале?

– Вы знаете, док, до того момента я почему-то была уверена, что красива. Я понимаю, как нелепо это звучит, но...

– Ладно. Теперь скажите мне, почему ваше мнение переменялось? О чем вы подумали в ту минуту?

– Я подумала: «Господи, только не это! Какая уродина! Как мне с этим жить?»

– Еще вопрос: что именно вам не понравилось?

– Все.

Он долгое время молчит, а я думаю о том, что напрасно рассказала ему. Никому нельзя доверять, потому что... А собственно, почему? Что меня постоянно сдерживает? На-

верное, у меня с миром довольно тяжелые взаимоотношения, раз я так нервничаю и не могу поддержать обыкновенный разговор.

— Вам налить еще кофе?

Меня достает это молчание. Лучше бы ему уйти и не приставать ко мне с этой чепухой. Я сама разберусь со своей жизнью.

— Да, пожалуйста. Вы знаете, это очень странно. И совсем не соответствует вашему характеру. Я не знаю, как это объяснить. Пока не знаю.

— А что вас так удивляет?

— А как по-вашему? Молодая и, особо подчеркну, красивая женщина чувствует отвращение к собственной внешности. И это не каприз избалованной красавицы. Вы искренне страдаете из-за своей надуманной... некрасивости. Никто и ничто не может убедить вас в обратном. Я не понимаю, как такое могло произойти. Но... нет, я должен еще проверить... Знаете, давайте пока оставим эту тему. Благодарю за кофе.

— Вы уже уходите?

— Да, мне пора. Завтра в это же время я приду снова, договорились?

— Приходите.

Он ушел, а я иду в кабинет. Мне надо разобраться с бумагами. В верхнем ящике стола лежат рисунки. Неужели это я рисовала? Такие красивые платья, но, на мой вкус, немного вычурные. Надо как-то не так.

Я беру карандаш и чистый лист. Нет, я совсем не умею рисовать. Совершенно. Как я буду теперь работать? Наверное, со временем все вернется? Не знаю. Довольно скучное занятие.

Дальше лежат какие-то документы, я откладываю их в сторону. Потом посмотрю, что там. А вот это интересно: несколько альбомов с фотографиями. Я укладываюсь на ковер и кладу перед собой верхний. На первой странице старая черно-белая фотография немолодой женщины. Обведена зеленым фломастером. Я уже знаю: это моя бабушка. Она была моей единственной родсвенницей. Но она умерла пять лет назад или чуть больше. Что здесь еще? Неужели это я? Такая маленькая? Со светленькими косичками с бантиками. Черно-белые фотографии говорят об уровне доходов. А вот и цветная. Я была симпатичной девочкой, только грустной. Но, судя по тому, что я слышала от Светланы о своем детстве, у меня были причины для грусти.

Вот более поздний снимок – я здесь уже довольно большая. Неплохой костюмчик сшила себе, сразу видно – талант. Вот только где этот талант набрал денег, чтобы открыть такое дело? Кстати, о деньгах. Надо поехать на работу и немного осмотреться. Вдруг вспомню что-нибудь?

А вот и совсем уж странная фотография. Так, здесь дата... январь две тысячи пятого года. Я так понимаю, это перед моей поездкой за границу. Чем меня так зацепил этот снимок? Наверное, тем, что я уверена: это не мое лицо. Эта девушка

только похожа на меня, но это не я. Или я – не она. И означает моя уверенность то, что я либо спятила и это какая-то неизвестная науке форма сумасшествия, либо... О боже, я не знаю! Я ничего не понимаю! Разве такое может быть? Кто я такая? Как я здесь оказалась? А Светлана... Та ли она, за кого себя выдает? И была ли вообще авария? Потому как уж очень все удобно: авария, потом сложная операция, потом – амнезия. И человек с детектором лжи. Они проверяли, насколько основательно я все забыла. Кто – они? Нет, невозможно. Я просто схожу с ума. Но это не я на той фотографии. Просто очень похожая светловолосая девушка с хмурым взглядом и жесткой не то улыбкой, не то угрожающей гримасой. Я не много любовалась собой в зеркале, но такой мимики точно не замечала.

Перво-наперво нельзя дать им понять, что я что-то заподозрила. Если Светлана – не та, за кого себя выдает, значит, обязательно где-то допустит ошибку. Если она ни при чем, я могу своими подозрениями обидеть ее, а не хотелось бы. Она успела понравиться мне. Пусть бы она оказалась невиновной в том, в чем я ее заподозрила!

Обязательно нужно просмотреть документы, о которых она говорила. Если они вообще существуют и если они не подделка. Это можно будет выяснить, но довольно сложно. Но у меня предчувствие, что все это – только цветочки. И в будущем ничего простого не предвидится.

Захлопнув тяжелую папку с документами, я иду в спаль-

ню и раскладываю все на кровати. Не знаю, как раньше, но сейчас, сидя за столом, я не могу ни на чем сосредоточиться. А так – просто грандиозно: лечь на живот, опереться на локти и рассмотреть то, что принесла.

Рисунки я сразу отложила в сторону. Они меня совершенно не интересуют – по крайней мере в данный момент. А документы... Вот договор об аренде помещения, подписанный мной и каким-то Богулевским А.И. шесть лет назад. Несколько контрактов с персоналом. Что они здесь делают? Еще какие-то бумаги, смысл которых мне непонятен. Нет, не понимаю. Ладно, оставлю на потом. А это что такое?

«Это» – запечатанный конверт, в нем какие-то бумаги. Разорвать конверт у меня просто рука не поднимается – неаккуратно как-то. Я без особого желания сползаю с кровати и начинаю шарить в ящиках туалетного столика. Ну, хоть что-нибудь – маникюрные ножницы, пилочка для ногтей... Но если что-то такое у меня есть, то лежит где-то в другом месте. Ладно, поищу в ванной, все равно ведь уже встала. А в ванной есть шкафчик.

Я выхожу в прихожую и включаю свет. Звонок в дверь прозвучал так неожиданно, что я едва не рухнула. Кто бы это мог быть? Я тихонько приближаюсь к двери и смотрю в глазок. Какой-то мужчина. Кто он? Что ему надо? Господи, какая же я сейчас беспомощная! Что мне делать? О том, чтобы открыть ему, речи быть не может. Я его впервые вижу, хотя справедливости ради стоит отметить, что о большей части

человечества я могу сказать то же самое. Но и разговаривать с ним через дверь мне почему-то не хочется. Я... не хочу и все. Позвонит-позвонит да и уйдет. Пусть свяжется со мной по телефону, если уж так приспичило. А я спрошу у Светки, кто он такой и что мне с ним делать.

Стоп! Так нельзя. Я ни от кого не должна зависеть в своих решениях. Особенно если мои давешние подозрения – не просто параноидальный бред. А что-то мне говорит, что... Впрочем, у всех сумасшедших есть свой внутренний голос, следует быть объективной, особенно в отношении себя. Значит...

– Кто там? – Мой голос немного охрип. Не знаю даже, услышал ли он – дверь-то бронированная...

– Юля, это я, Олег. Впусти меня.

Какой Олег? Что мне делать? Господи, зачем все это? Что мне стоило тихо-мирно помереть в перевернутой машине или на худой конец в больнице... И не мучиться сомнениями и прочими непонятками. Нет. Нет!

– Ты извини, но я неважно себя чувствую, – это чистая правда, парень, можешь мне поверить. Мне сейчас очень паршиво! – Ты не мог бы прийти в другой раз? А еще лучше – позвонить.

Если он сейчас не уйдет, я сяду прямо на пол и разревусь.

– Юля, это важно. Я ждал, что ты появишься в офисе, но тебя не было, и я решил...

Либо он не знает о том, что со мной случилось, либо ему

все равно. А может статься, что он все отлично знает и понимает, потому и заявился.

– Это не может подождать?

– Я не хочу говорить сквозь дверь. Юля, это просто смешно! Мы сто лет знакомы, поэтому если ты переживаешь из-за своего вида, то зря. Юль, тебя так долго не было, дела не терпят... Впусти меня.

– Ладно, немного подожди.

Я иду на кухню. Вот набор ножей. Так. Два из них могут мне пригодиться, остальные – просто ерунда. Если, конечно, у меня будет время, ведь пуля летит быстрее... Бог с ней, с пулей. Я не дам себя убить, так ничего и не узнав.

Замок щелкает, как затвор винтовки. Меня уже не удивляют мои странные ассоциации. Он не выстрелил в меня. Он стоит и пялится как баран на новые ворота. Ну да, как я могла забыть! У меня же такая экзотическая прическа.

Ему немного за сорок. Русые волосы, карие глаза и тяжелая челюсть. Серый костюм-тройка и белоснежная рубашка. Нет, я его не знаю.

– Проходи.

Я отступаю от двери. Заходи, парень, только води себя хорошо, не то я рассержусь и случайно отрежу тебе что-нибудь. Наверное, я не очень-то покладистая женщина. Но с этим уже ничего не поделаешь.

– Здравствуй.

Даже туфли снял, хороший мальчик. Терпеть не могу

грязь. Это я о себе уже знаю.

– Привет. С чего такая спешка? Я сказала: плохо себя чувствую. Чего тебе надо? – Как-то так я, наверное, и должна с ним разговаривать, если я правильно поняла то, что узнала о себе.

– Пахнет кофе. Угостишь? – Нет, вы видели такого нахала?

– Нет. Говори, что тебе надо, и выметайся.

Эта игра уже начинает нравиться мне. Интересно, как он отреагирует.

– Я понимаю, ты имеешь право сердиться... Но ты же знаешь, как я боюсь больниц и всего, что с ними связано. Я не мог навестить тебя. Хотел – и не мог. Но я звонил, интересовался, правда!

– Мне чихать на это. – Мы проходим в гостиную и устраиваемся на диване. – Рассказывай.

– Я принес портфолио нескольких девушек, которых взял с испытательным сроком на то время, пока ты поправишься. Вот, ознакомься. Нужно срочно решать, берем ли мы их, потому что скоро показ в Варшаве.

Красивые девушки, что и говорить. Только тощие до синевы. Вот их я и отбракую – у них нездоровый вид.

– Эти не подойдут. Вот эти четверо.

Я смотрю на него. Станет ли он спорить? И как? Мне нравится эта игра.

– Позволь спросить, почему? – Bravo, очень корректно!

– Худосочные, почти прозрачные. Нашу одежду будут носить обыкновенные женщины, а не привидения. А это что такое? Ей еще нет шестнадцати? Не годится.

– Но девочка очень перспективная, такую жаль терять.

Они для тебя все – девочки, старый ты развратник. Наверное, успел переспать с ней, иначе почему так волнуется?

– К чему лишние проблемы и траты. По закону с ней должен ездить кто-то из родственников. Нам это нужно?

– Позволь, я напому: вообще-то подбор моделей... Этим занимается Ольга. – Какая еще Ольга? Надо бы мне поскорее разобраться во всей этой кухне. – Я просто хотел узнать твое мнение.

– Как всегда, правда?

– Да, как всегда.

– И что тебе еще надо? Ты узнал мое мнение. А там делайте, что хотите, но если возникнет хоть одно из перечисленных мной осложнений, то...

– Я понимаю.

– Вот и отлично. Нам надо заботиться о своей репутации.

Общие фразы. Это просто прелесть – общие фразы. Люди могут быть разными, как день и ночь, но поддерживать разговор общими фразами. Люди могут ненавидеть друг друга, но цивилизованно общаться общими фразами. С их помощью я сегодня о многом узнала. И о себе в том числе. У меня таки паршивый характер. Или был паршивый? Потому как такой тон в разговоре – это актерство чистой воды. Но это в

данный момент. А как было «до»?

– Ты в порядке?

– А почему ты спрашиваешь?

– Извини, но ты неважно выглядишь.

А это уже хамство. Откровенное. Не такие уж мы друзья, как я понимаю, чтобы ты мог говорить мне такие вещи.

– Я в порядке, просто до конца еще не оклемалась. Еще что-нибудь?

– Да, несколько писем.

Его пальцы перебирают бумаги. Ну, все, аут: у него маникюр. Мужчина с маникюром – какая гадость! Нет, я, конечно, не терплю под ногтями траур по дохлой крысе, но маникюр на мужских руках – это уже другая крайность.

– Вот они.

Он кладет их передо мной. Они запечатаны.

– Ты не читал?

– Нет. Это лично тебе – от нескольких постоянных клиентов. Они пришли в течение последней недели, и я решил подождать, пока ты выйдешь из больницы.

Напрасно я не дала тебе кофе. Хороший мальчик.

– Рассказывай новости.

Мне это нужно, как никогда. Какие-то новости, какую-то информацию, которую я скормила бы черной пустоте у меня в мозгах. Я запоминаю все кучей, истерично и жадно, чтобы хоть немного заполнить пустые файлы в моей голове. А потом уже разберусь, что к чему.

– Ничего особенного. К счастью, ты успела принести рисунки к весеннему показу буквально за пару часов до того, как... – он замолкает, осознав свой промах. – Прости. Я просто дурак.

– Да нет, все в порядке. Так и должно быть. Ты совсем не обязан сочувствовать, у тебя нет ни единой причины симпатизировать мне. Не надо извинений – я могу это принять.

И что ты теперь скажешь? Твой ход. Где у тебя слабое место? Мне интересно.

Он молча смотрит на меня. У него красивые глаза, но... Он чем-то не нравится мне. Что-то в нем есть такое... Не знаю. Да, вот оно! Он смахивает на Дон Жуана (если бы тот смог дожить до его сорока с хвостиком). Такие мужчины кажутся мне... грязноватыми, что ли? Слишком много женщин, физический контакт. Одна, другая, десятая. На мой взгляд, это негигиенично. Если бы мне надо было переспать с таким типом, я бы его сперва прокипяттила, а потом еще неделю стерилизовала в спирте. И даже после этого вряд ли решилась бы! Не люблю грязи в любом проявлении. Хотя насчет него я могу ошибаться.

– Почему ты так говоришь?

Так, приехали. Да разве я не безжалостная стерва, которая даже кофе для тебя зажала?

– Потому что это правда.

Наконец, наконец мне не скучно!

– Может, в отношении других, но мы так давно с тобой

знакомы, что я уже не воспринимаю твои выверты.

Это уже интересно. Сколько же мы с тобой знакомы?

– В этом что-то есть. Сколько же лет мы тянем эту лямку? – Я пытаюсь спросить так, между прочим. Словно этот вопрос для меня риторический.

– Действительно, это стоит подсчитать, – он откидывается на спинку дивана, устраиваясь поудобнее. – Ты взяла меня на работу в апреле две тысячи пятого года. Нет, не в апреле. В мае, в конце мая. Ты тогда как раз только вернулась из Франции. Значит, скоро четыре года.

Он начинает собирать свои бумаги, а я сижу как громом пораженная. Четыре года. А что было до этого? Кто мне может ответить, что я делала до того, как собралась во Францию? И что случилось там? Что же это за клиника, в которой я лечилась? И что я там лечила? Где-то должны быть люди, у которых есть ответы.

– Ты сегодня какая-то странная, – он уже собрался. – Ты уверена, что все в порядке?

– Да. Но с твоей стороны очень мило поинтересоваться. Да, я же потеряла свою записную книжку и сотовый. Дай мне свою визитку, мне телефоны надо заново вбивать.

– Сейчас дам. – Он вынимает из внутреннего кармана несколько визиток и кладет на столик. – Ты новый ежедневник уже купила?

– Я еще нигде не была. Сотовый Света привезла. Мне еще нельзя выходить. А почему ты спросил?

Он кладет на столик свой дипломат и что-то ищет в нем. Ну что еще? Проваливай, мне надо подумать.

– Вот, возьми, если хочешь. – Передо мной лежит новенькая записная книжка в синем кожаном переплете. – Я купил себе, но заеду и куплю другую.

– Спасибо, не стоит...

– Ну, пожалуйста, Юля. Это же мелочь. Ты ничем не будешь мне обязана, ты же этого всегда избегаешь? Лишь бы не быть никому ничем обязанной?

– Наверное, ты прав... Ладно, я возьму. Спасибо. Займусь хоть этим, а то скучища!

– Кстати, я тут подумал над тем, что ты сказала. Насчет девочек... – небось переспал уже со всеми, маньяк. – Ты, как всегда, права.

– Прекрасно. Я рада, что ты понял. Отошли их назад в агентство – и делу конец. А взамен пусть пришлют совершеннолетних и не таких заморенных.

– Ты права, так и сделаю. Ты когда появишься?

– Не знаю, но, наверное, не на этой неделе. – А что, если показать ему рисунки, которые я обнаружила в столе? – Подожди минутку, я хочу тебе кое-что показать.

Если это новые рисунки, я надолго избавлюсь от него. За это время я разберусь, что к чему. Если нет – что-нибудь все равно придумаю. Рисунки мне все равно не нужны. Стоп, а если они не мои? Или старые? На них ведь нет ни даты, ни подписи. Вот дура! Едва не прокололась.

– Прости, – все это ужасно неприятно, но это – меньшее из зол. – Я передумала. В другой раз.

– Ладно, в другой раз – так в другой раз. Я позвоню, если будет что-то срочное, а ты отдыхай.

Дверь закрылась, снова щелкнул замок. Пока мы говорили, ножи успели нагреться. Ничего, береженого бог бережет. Я беру визитку. На синем фоне белые буквы: Вишневецкий Олег Иванович, дом моды «Эрика», менеджер. И телефоны.

Ладно. Это потом. А сейчас я должна кое-что сделать. Я иду в спальню и открываю оставленный там конверт – твердая визитка именно то, что надо. Очень аккуратно. Итак, что у нас тут? Фотографии. Не очень большой формат, где-то пятнадцать на двадцать. Для профессиональных небольшие, но явно сняты знатоком своего дела. И дата: пятое марта две тысячи пятого года. Париж. Значит, это фотографии с того показа. Я углубилась немного дальше четырех лет.

Но в этих кадрах нет ничего особенного. Вот модели на подиуме, прекрасно видны мельчайшие детали. Где-то среди них, наверное, и те, которые представила я. Но мне это сейчас неинтересно. Так, а здесь немного другой ракурс: объектив зацепил часть зрителей. Один снимок, вот еще несколько – под разными углами снята публика. Все, кто присутствовал тогда. Что меня так напугало? Не знаю. Но... Я отложу эти снимки отдельно. Мне еще так много нужно сделать! Только я почему-то устала.

Наверное, об этом времени у меня останутся не слиш-

ком-то приятные воспоминания. Ужасное состояние. Мне нужно поскорее объять необъятное, но мое тело просит отдыха. Нет, милочка, у тебя нет времени на отдых! Хотя... Я просто все вообразила. Следовало сразу понять это, а я напридумывала себе бог знает какой чертовщины и ищу черную кошку в темной комнате. А кошки-то никакой нет и не было! К чертям собачьим! Хватит. Я хочу жить нормальной жизнью. Без постоянного ожидания... чего-то. Без кошмарных мыслей и агрессивных поползновений. Я просто переутомилась. Перенесла сложную операцию. Но теперь уже все позади. И до сих пор мои подозрения так и остались подозрениями. Чего мне тревожиться? Нет. Все. Вот сейчас пойду и сделаю какую-то совсем обычную вещь. Посмотрю телевизор, например. Где-то должны быть диски. Посмотрю кино. Сто лет не смотрела.

В гостиной еще не выветрился запах одеколона господина менеджера. Странно как-то называть по имени человека, которого и видишь-то впервые в жизни. Ничего, я привыкну. Господи, и зачем я все это выдумала? Что на меня нашло? Вот, какая-то комедия. «Операция «Ы». Возможно, это именно то, что нужно. Возможно. Посмотрю. Какая роскошь: для меня теперь все новое и интересное. Будем смеяться.

Фильм и вправду довольно смешной, главный герой недо-тепа необыкновенный, а троица жуликов должна была бы все спланировать получше, тогда бы у них дело выгорело. Даже

в условиях сценария. Например, «снять» охрану должен был тот, большой человек, а они послали трусливого типа. И вообще, связываться с хлороформом – это уже дилетантство... нет, ну о чем я думаю? Откуда в голову приходят такие мысли? Чем я занималась «до того», если даже комедию я анализирую... с такой стороны. Как боевую операцию. Почему?! Почему я не могу просто лечь и расслабиться, посмеяться – фильм смешной, как ни крути. Почему же я веду с собой такую ненормальную борьбу? Я не знаю. Нет вариантов – и это все больше раздражает меня. Черт! Хорошо, если я просто окажусь сумасшедшей. Так ведь нет! Никто: ни Светлана, ни Виталий Петрович – а они-то знают толк в таких вещах, – никто из них даже не заподозрил у меня сумасшествия. Будь все проклято...

Звонит телефон.

– Юлька, я через час приеду. Что купить?

Это Светлана. Несмотря ни на что, я рада слышать ее голос. Пока еще рада.

– Купи томатного сока.

– В кухне, в правом шкафу.

– Уже нет, я выпила.

– Это просто безобразие. Я держала его на случай приготовления борща. Ладно, куплю еще. А ты никогда раньше не пила томатный...

Я кладу трубку. Как мне это надоело! Я никогда не делала то, не делала се... Так что с того? А теперь делаю все, как хо-

чу. Никого не касается. При случае придется ей это растолковать. Всем им. Если послушать их, то что я делала раньше? Придумывала фасоны одежды, мучила коллег и подчиненных. Жила с котом и цветами на подоконнике, не имела друзей и пила кофе с пирожными. И много чего такого, о чем я позабыла. Но я найду людей, которые помнят меня немного раньше, чем Светка и мой новый знакомец Олег. И обо всем узнаю. Я не люблю кофе и чувствую отвращение к пирожным. Это плюс. А для того чтобы мне рассказали остальное, я должна измениться до неузнаваемости. Это нетрудно, надо только... Я точно знаю, что для этого надо.

В прихожей снова кто-то трезвонит. Это Светлана, так я и думала. В руках у нее большой пакет и какая-то клетка. Что она притащила ко мне в дом?

– Бери, вот он.

Она подает мне клетку, а я уже знаю, что там. Вернее, кто. Я открываю переднюю стенку и вижу кота. Огромный сине-голубой красавец с большими оранжевыми глазами. Вот это да! И золотая цепочка на шейке. И большие сильные лапы. И синеватые усики. И бархатные ушки. Да, это именно то, чего мне недоставало. Зачем держать в доме мужа, если есть такой кот? Никто из этих надменных, злых и похотливых существ не стоит даже кончика правого когтя этого... синего тигра.

– Макс...

Мне очень хочется взять его на руки, погладить шерстку,

услышать мурлыканье, но – видишь, дорогой, такая незадача – я не помню наших отношений. Может быть, Ваше Величество не терпит фамильярности? А может, ты просто воплощение демократичности и я могу тебя даже погладить? Ну, что ты мне скажешь, царь львов?

Не спеша, как и следует особе королевской крови, он подходит ко мне. Долго смотрит в лицо, а потом... тыкается мне в ладонь своей бархатной мордочкой и тяжело вздыхает. Как человек! Ты скучал без меня, мой Сфинкс? Я забыла, но, наверное, тоже скучала без тебя. Нас только двое на всем свете – ты и я. Только ты и я...

– Юля, Юлька, ну не плачь! Пожалуйста, не надо! – Светлана обнимает меня за плечи. – Все хорошо, вот увидишь, все образуется. Ты дома, Макс тоже. Мы вместе. Все будет хорошо, нужно только верить.

Верить! Я никому не верю. Кроме Макса. Бывают минуты, когда я сама себе не верю. Легко сказать – все образуется! Может, когда-нибудь и образуется, если я разгадаю ребус, которым оказалась моя жизнь. А пока – ничего хорошего. Почти ничего.

– Макс очень умный. – Света возится с ужином. – Все время, которое провел у меня, ни разу сам не подошел ко мне. Неохотно позволял себя гладить. Ел неплохо, но без аппетита. И все время к чему-то прислушивался. Я видела, что он ждет.

– Он такой красивый. Я уже его люблю. – Виновник тор-

жества лежит у меня на коленях, свернувшись клубком. Мордочкой ткнулся мне в ладонь. – Как я могла его забыть? Что угодно, кого угодно, но не его.

– Садись ужинать, – она ставит приборы. – Тебе раньше нравилась такая картошка, ешь и теперь. Забыла обо всем, и о нем тоже. Ты не виновата. Как прошел день? Что ты делала?

– А, ничего особенного. Приезжал какой-то Олег Вишневецкий, утверждал, что он – менеджер в моем офисе.

– И ты егопустила? Почему ты мне не позвонила сначала? Это мог быть кто угодно!

– Нет, не мог. Кому известно, что у меня проблемы с памятью? Тебе и доку. Значит... Да, вкусная картошка. Надо и мне как-нибудь попробовать что-то приготовить. – Макс прыгнул на пол, скрипнул паркет. – А он все-таки очень большой!

– Нельзя быть такой беспечной. Что ему было нужно?

– А, привез портфолио нескольких манекенщиц, которых предложили в агентстве. Я представляю, какой же у меня характер, если даже такие вопросы утрясают со мной. Я нескольких отклонила – одна несовершеннолетняя, другие слишком гремят костями. Вот и все.

– Почему ты не перезвонила мне? – Она и вправду волнуется.

– Потому что мне пора учиться жить самостоятельно. Ты же не будешь постоянно водить меня за руку? У тебя масса

собственных проблем. А я даже не сказала ему, что у меня амнезия. Обошлась общими фразами, он ничего не заметил. Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал. Это сделает меня слишком уязвимой. Понимаешь?

– Ты права. Кстати, Олег влюблен в тебя, прими к сведению. – Светлана улыбается своими ямочками на щеках. – Ты не заметила?

– Да я об этом и не думала. Так старалась вести себя согласно сценарию, что он подарил мне новую записную книжку и удрал. Ты понимаешь, он уже собрался уходить, ну а мне же надо было выяснить, кто он такой, так что я сплела сказочку о потерянной записной книжке и попросила визитку. Вот только не говори, что это странно и я раньше ничего подобного не делала. Ну, что с тобой, чего ты надулась?

Светлана сидит неподвижно, лицо ее какое-то напряженное, бровки нахмурены. Она как будто усиленно о чем-то думает, пытается что-то понять. Мне остается только смотреть на нее, наблюдая за сменой выражений на ее личике. Наконец она пришла к какому-то решению.

– Ты только не сердись и не перебивай меня. Я хочу тебе кое-что сказать. То, что я, как мне кажется, смогла понять. Я сегодня занималась тем, что просматривала литературу, которая описывает случаи амнезии. Я просмотрела огромное количество файлов, делала запрос в Интернет, и вот что: твои симптомы во многом не похожи на те, которые уже описаны. Я нашла много случаев, когда пациент забывал

все подчистую. И тем не менее ни у кого из них вот так ниоткуда не появлялись новые навыки. А то, что ты вчера сделала с ножом, случайной удачей назвать нельзя. Такое умение достигается упорными и длительными тренировками. И еще ряд признаков... Я считаю, что этого достаточно для того, чтобы сделать определенные выводы.

– Какие именно?

– Это слишком неправдоподобно, чтобы утверждать вслух и всерьез. Но впечатление такое, словно у тебя раздвоение личности. И эти личности существовали в тебе долгое время, но потом одна из них погибла в автокатастрофе, а другую я впервые вижу. Понимаешь?

Конечно, дорогая, что ж тут не понять! Мало сказать – «понимаю». Нет, именно это я чувствую, только никак не могла найти слова, чтобы это описать.

– У такого объяснения есть какая-то научная основа?

Это моя последняя соломинка. Последняя надежда на спокойную жизнь. Или я уже не знаю, что и думать.

– При определенных обстоятельствах такое возможно. Вообще, многое возможно, если речь идет о мозге. Мы пользуемся только маленькой его частью, все остальное – загадка для многих поколений исследователей. Если нет другого объяснения, надо остановиться на более или менее подходящем. Я считаю, что спешить с выводами пока не стоит. Со временем все выяснится.

– Ладно, оставим это.

Нет, дорогая, не очень убедительно. Что-то не сходится. Но тебе не надо знать об этом.

– Виталий приезжал?

Нет, слишком уж между прочим ты спрашиваешь об этом! Так он тебе понравился?

– Да, приезжал. Пил кофе и расспрашивал о моих снах. Скука смертная.

– Да, что касается снов. – Светлана внимательно всматривается в мое лицо. Мне неуютно. – Ты очень беспокойно спала: кричала, стонала, едва не скатилась с кровати. Меня это беспокоит. Это не очень хорошие симптомы. Что тебе снилось?

– Не о чем говорить. Гадость какая-то, сама уже не помню.

– Не хочешь поговорить об этом?

– Да говорю же, не стоит того. Ты скажи лучше: принесла мне документы из сейфа?

– Да, в сумке, потом отдам. Но поверь, тебе будет неприятно читать их, – она начинает собирать посуду. – Может, лучше не надо?

– Нет, я почитаю, но завтра. Тебе помочь с посудой?

И правда, как-то несправедливо получается. Света готовит мне еду, делает покупки, моет посуду... Будто я сама не в состоянии.

– Да нет, сама справлюсь. Ты же никогда не любила подобной возни... Мне совсем нетрудно, я так даже в определенной степени расслабляюсь. А дома, для себя, я тоже ленюсь.

– Ты одна живешь?

Моя заботливая подруга, я же ничего о тебе не знаю. Нужно восполнить этот пробел.

– Да. В прошлом году я развелась с мужем, приятеля пока не завела: не было желания начинать все сначала – при том, что конец всегда известен наперед... У меня в Ростове есть мама и младший брат, женат уже. Я приехала сюда учиться да так и зацепилась. Не жалею нисколько.

– А почему ты развелась?

– Обычное дело: я не могу иметь детей, а он не хотел брать чужого ребенка. Я лечилась, но все впустую.

Если бы я знала, то ни за что не стала бы расспрашивать! Ну и сволочь ее бывший муж... Он еще пожалеет, что потерял ее. Бедная Светка, теперь понятно, почему она так заботится обо мне! Это нереализованный материнский инстинкт заставляет ее опекать более слабого. Но я не слабая! Нет, я не слабая, это я точно знаю. Дорогая, тебе нравится док? Если он не влюбится в тебя, я ему голову отрежу!

– Я не должна была спрашивать.

– Ничего, – она грустно улыбается. – Мы же... близкие люди. Видишь, хотела сказать «были близкие», но... Ты должна знать, это ни для кого не секрет.

– Виталий Петрович придет еще завтра, где-то к двенадцати. Ты будешь здесь?

– Заеду пообедать.

Она немного краснеет. Я все вижу и понимаю. Он понра-

вился тебе – значит, добудем его скальп. А если нет – пусть пеняет на себя. Не будем пока говорить об этом, чтоб не испугнуть удачу.

Мы идем в гостиную. Она ложится отдыхать на диване, а я роюсь в стопке дисков. Хочется чего-то такого... С выстрелами, драками, а на полке выстроились идиотские мелодрамы. Неужели я могла это смотреть? Судя по всему, что-то весьма слезливое и сладенькое. А, вот это может быть интересным – *Pretty women* – «Красотка». Что-то старое, классика. Посмотрим. На картинке хорошенькая девушка в короткой юбке и высоких лакированных сапогах зацепила за галстук такого красавчика, что Светкин док просто отдыхает. Красивая картинка.

Я устраиваюсь рядом со Светой и читаю титры. И зачем это гнусавый голос за кадром бубнит перевод? Да еще такой неудачный? Я понимаю, о чем там говорят. Но если я понимаю, зачем тогда у меня дома лежит диск с переводом? Разве может быть, что я раньше не понимала? Вот и Светлана говорила... Это не объяснишь просто индивидуальными вывертами психики и раздвоением личности. Чтобы знать язык, его нужно изучать, а у меня такое ощущение, что этот язык я знала всегда.

Серая машина едет в сумерках по шоссе. Я уже где-то видела это. И каменистые холмы, и серпантин шоссе, и огромные белые буквы на склоне – все это кажется мне до боли знакомым. Девушка в лакированных сапогах выходит из до-

ма и идет в бар. Идет по тротуару, на котором в розоватых звездах высечены имена. Я знаю эти имена. Потому что я была там и видела эти звезды на асфальте.

Они, наверное, столкнулись на лестнице, потому что вошли вместе. Светка просто сияет своими симпатичными ямочками, и я очень довольна. Если он не полный дурак, он обратит внимание и на ее каштановые кудри, хорошенькие округлые ручки и прочие несомненные достоинства. Не понимаю, что она нашла в этом наманикюренном умнике. Он, конечно, очень даже ничего, но какой-то... домашний, что ли? Не знаю, не мой тип.

Он вежливо помогает ей снять плащ, и по тому, как он касается ее руки, я понимаю, что Светкины усилия не пропадут зря. Да пусть только попробует не полюбить ее, я ему тогда... что-то отрежу.

И тут на сцене появляется Макс. Сказать, что Его Величество недоволен, – это ничего не сказать. Нет, после того как он всю ночь продрых на перинке у моей кровати, он разъярен фактом появления в его ареале еще одного самца. Свету он, как видно, тоже причисляет к своему прайду. Итак, Макс настроен нешуточно, хотя до сих пор не проронил ни звука. Ему это ни к чему. Выражение его мордочки... В прошлой жизни он был египетским жрецом – никак не меньше. И Виталий Петрович сейчас на собственных отглаженных штанах узнает, что такое гнев Макса. Надо что-то делать, и я беру на вооружение грубую лезть. Это срабатывает с любой осо-

бью мужского пола. Скажи, что никого красивее его на свете нет, что он умнее Эйнштейна и настоящий половой гигант – и делай с ним потом, что хочешь, он уже на крючке. Мужчины любят тешить свои иллюзии. И Макс – не исключение. Выслушав мои дифирамбы и приняв их как должное, он с гордым видом возвратился в комнату. Он победил, все это понимают. И он знает, что мы знаем.

– Я подумать не мог, что такое может быть! – К чему эти восторги? Коты мало чем отличаются от людей. – Он как будто бы все понял!

– Нет, Виталик, не «как будто», а просто – все понял. Он очень умный, этот Макс. Я же тебе говорила! – Светка просто цветет рядом с ним. Это хорошо.

– Ну, я думал... Это же, в конце концов, не собака!

Он просто невозможен. Или он считает Макса глупее какого-то ничтожного лающего клубка шерсти? Это неслыханное безобразие!

– Виталий Петрович, вы когда-нибудь видели, как собака бежит за автомобилем и бешено лает на его колеса? И часто во время этой процедуры гибнет?

– Да, и не раз, но...

– А вам приходилось застать кота за таким идиотским занятием?

– Господи, конечно нет! – Он обессиленно хохочет. – Вы меня убедили. Коты умнее. Нет, Света, ты представь только эту картину: кот бежит за автомобилем...

Они смеются уже вдвоем. Мы вместе идем на кухню, где я сварила кофе и какой-то суп. Светка же хотела пообедать. А я не хочу ни кофе, ни супа. Поэтому я оставляю их и закрываюсь в спальне. Перед их приходом я как раз читала бумаги, которые были в Светином сейфе – или еще где-нибудь. Я почти все просмотрела, но до главного не дошла. Ничего, время пока терпит.

После вчерашнего фильма я долго не могла привести в порядок свои мысли. А еще я боялась, что Света обратит внимание на мое состояние. Мне многого стоило не показать свое волнение. Она ничего не заметила. Интересно, о чем они там говорят? Если прошмыгнуть в ванную, можно услышать. Это, конечно, не очень красиво с моей стороны, да черт с ним. Может, услышу интересные подробности о своей персоне. Если их отношения только начинаются, им нужна тема для разговора о предметах, которые волновали бы их обоих. Поэтому я тихонько иду в ванную и закрываю за собой дверь. Ну, так и есть, очень хорошо слышно.

– ...Так ты тоже заметил? – Светланин голос.

– Да, неуловимый акцент, ничего такого, что привлекало бы внимание. Но он есть.

– Я пыталась найти в литературе описание чего-то похожего, но безуспешно. С другой стороны, было мало времени. Но ничего подобного я не нашла.

– Может, тот фокус с ножом – просто случайность? – Идиот, ты же сам в это не веришь.

– Нет, я уверена, что нет. Ее рука вспомнила то, что не вспомнила голова. Память тела более надежная штука.

– Вывод?

– Это не та амнезия, какая бывает при травмах. Или нет. Не так. Я уже совсем запуталась. Она стала совсем другой. Видишь, сварила суп? Раньше она не стала бы этого делать даже под страхом смертной казни. Она терпеть не могла готовить, в детстве бабушка немного перестаралась с ее обучением. И еще многое другое, я не могу так объяснить, это надо чувствовать. Виталик, мы должны как-то помочь ей. С ней произошло что-то ужасное – еще раньше, до нашего с ней знакомства. Она так кричала во сне! Словно ее пытали. Это ужас какой-то. Я уверена, что это не просто сны. Это ее память рвется наружу.

– Светик, это из области фантастики. Вы знакомы четыре года, и все это время она была просто обычной женщиной. И вдруг такая резкая перемена! Нет еще такой технологии контроля сознания, чтобы заставить человека забыть настолько важные вещи. Эксперименты проводились, конечно. Многие тянули руки. Но только тайно, а когда ЦРУ попало на горячем, ты помнишь, что было? Ну, тот скандал, шесть лет назад? Какие головы полетели, их президенту пришлось уйти в отставку. Я тогда проходил интернатуру в Нью-Йорке, поэтому все отлично помню. Но Юлия здесь при чем? Нет, должно быть другое объяснение.

– Я другого не вижу. Кто-то заставил ее о чем-то забыть.

Наверное, это случилось в Париже, четыре года назад. А теперь вследствие травмы воспоминания возвращаются.

У Светки есть-таки голова на плечах.

– Но зачем? Не понимаю. Она же не политик, не влиятельная фигура. Она просто модельер. Талантливый модельер, но это ничего не меняет. Нет, невозможно.

– Почему невозможно? У нее собственный дом моды, а ты не думал, откуда у сироты взялись на это деньги? А я помню громкие процессы над торговцами людьми. Девушек вывозили из страны под видом манекенщиц по заказу подставных агентств. Сколько народу специализировалось в этом грязном бизнесе?

– Ты считаешь, что Юля имела к этому отношение? Но это же ужасно!

Да, парень, это кошмар. И пусть лучше память никогда не вернется ко мне, если я должна **такое** о себе вспомнить.

– Непосредственно – конечно, нет. Зная ее, мне тяжело в это поверить. Но за ее спиной могли стоять определенные люди... Талантливая девочка без малейшей надежды как-то пробиться в жизни, в нашей стране это невозможно, сам ведь знаешь. И люди, которые предлагают деньги. Она могла случайно узнать о тех делах, которые проворачиваются за ее спиной. Вот и все.

Милая, хорошая Светка! Пусть это будет так, как ты говоришь. Иначе я не смогу жить. Если только я сознательно делала такие жуткие вещи, то... Нет. Нет!

– А она не говорила, откуда у нее стартовый капитал?
Да, меня, кстати, тоже интересует этот вопрос!

– Согласно документам, она получила банковский кредит. Все законно, кроме одного: ты же знаешь, что в нашей стране она просто не могла его получить. У нас не дают таких кредитов обычным гражданам. Никого не интересует развитие – только сиюминутная выгода. Да что тут говорить, это давно всем известно и неизменно. И как только тебе в голову пришло вернуться сюда? Что за дикость? Почему ты не остался в Америке?

– Потому что я там чужой. А там очень не любят чужих. Американцы – далеко не так свободны, как они сами о себе думают и заставили думать весь мир. Нет, наоборот, они связаны массой условностей, неписаных правил, запретов намного более строгих, чем наш среднестатистический гражданин. Поэтому у них так много психопатов, а психиатры зарабатывают бешеные деньги. А судебные иски! Там все друг с другом судятся. Как-то я имел неосторожность похвалить прическу немолодой медсестры – она казалась все время недовольной – обычное желание вежливого мужчины сказать что-то приятное женщине. И что ты думаешь? Я уже и думать забыл о комплименте, когда судебный пристав принес мне повестку: старая идиотка подала на меня в суд за сексуальные домогательства. И если бы судья оказался хоть немного тупее, у меня были бы страшные неприятности, а так я едва не вылетел из интернатуры, причем никто не об-

ратил внимания на то, что я был признан невиновным.

– Надо же! Кто бы мог подумать! Суд ведь оправдал тебя.

– Ну и что с того? Не стоит забывать, что их общественная мораль – это мораль протестантов. Официальная мораль исходит из того, что человек, занимающий в жизни место хоть немного выше места чистильщика сортиров, должен быть безупречен. То есть абсолютно. Даже тень подозрения рушит блестящие карьеры, что уж говорить о каком-то интерне, к тому же – иностранце. Мне там было не слишком-то уютно, потому что я обычный человек, у меня есть свои недостатки и желания, которые я хочу реализовывать в свободное от работы время. Я не гожусь на роль святого. И большинство американцев тоже не подходят для этого, потому для шантажистов Америка просто рай. А эти их неизменные улыбки – даже тогда, когда... Я не утомил тебя своим монологом?

– Нисколько. Мне очень интересно. Я видела все совсем по-другому.

– Там есть и много хорошего. Просто я хотел сказать, что и у них есть масса проблем. А нашим там вообще нечего делать, их никто не ждет. Мы совсем другие люди, и для адаптации иногда жизни не хватает.

Так, это неинтересно. Я возвращаюсь в спальню. Пусть все идет своим чередом. А я получила ценную информацию. Я уверена, что истина где-то там, но если я сейчас начну поднимать документы, что-то искать, то это плохо для меня за-

кончится. Я уверена, теперь уже вполне, что произошедшее со мной – не просто несчастный случай, как написано в этих документах. Где-то здесь должны быть показания той женщины... Вот. Это не ксерокопия. Это оригинал, протокол допроса свидетеля. Ясно, что к делу это никто приобщать не стал – очень неудобно. Естественно, ничего удивительного. Главное – вовремя отрапортовать о раскрытии дела.

А мне этот протокол пришелся очень кстати. Потому что здесь указаны все необходимые координаты. Семенец Валентина Филипповна, Малиновского, шесть. Завтра я встречусь с ней, вот только займею некоторые вещи для того, чтобы не привлекать к себе внимание на улицах и не останавливать своим видом движение транспорта. Итак, завтра. А сегодня...

– Юль, ну что за привычка читать лежа!

Светка очень довольна. Не иначе как договорились о свидании.

– Мне так удобней.

– Но ты же зрение испортишь.

– Мне нужно пройтись по магазинам. Ты случайно не в курсе, у меня есть какие-то дензнаки?

Не понимаю, чего она ржет. Надо же! Ну что я опять сделала не так?

– У тебя не просто есть деньги, – она вынимает из ящика несколько пластиковых карточек. – Это твои кредитные карточки. Можешь расплачиваться ими, можешь взять в банко-

мате наличку. Как хочешь. Но ты уверена, что уже пришло время переходить к активной жизни?

– Я просто хочу заглянуть в магазины. На работу я не собираюсь.

Я должна идти **одна**, но сказать ей это не могу. И она не должна знать, **что именно** я куплю. Не потому, что я ей не доверяю, а потому, что не хочу впутывать ее в разные опасные вещи.

– В чем проблема? Парень, никто тебя не просит лезть в наш разговор! Можешь дальше полировать ногти и писать научную работу. И оставь меня в покое. – Я могу повозить Юлю по магазинам. Я на машине, так что буду ждать на улице, поедем.

– Это выход. Юлька, ты слышишь? И мне спокойнее будет.

Нет, вы видели, какое трогательное единение? За меня уже все решили. Хотя, надо признать, это вариант. Не понимаю, что меня раздражает. Они так заботятся обо мне! Нет, у меня все-таки очень тяжелый характер.

– Ладно, договорились. Поедем сейчас.

– Нет, немного позже. После нашего разговора.

Черт, я совсем упустила из виду: господин исследователь должен еще препарировать лягушку.

– Юлька, я тороплюсь. А вечером пойдем в ресторан – Виталий нас приглашает, – Света чмокнула меня и выскочила за дверь. Я слышу, как стучат ее туфельки.

– Ну, и чего я попрусь с вами в ресторан? Вы же Светку

пригласили, мне что промеж вас делать? И Макс будет скучать.

– Я прошу прощения... Но вы позволите пригласить вас на ужин?

Я не верю собственным ушам. Зачем это ему понадобилось?

– Виталий Петрович, если Света просила вас так сделать, то это совершенно лишнее. Мне не нужна нянька, а Светке – дуэнья. У нее должна быть своя жизнь, и я не собираюсь...

– Юля, подождите! Дайте мне сказать, – он берет меня за руку и усаживает в кресло. – Послушайте меня. Света не ставила мне никаких условий. Я приглашаю вас, потому что... Ну, как вам объяснить? Вы обе мне очень нравитесь. Нет, не в том плане, что вы подумали, хотя, конечно... Но это совсем другое. С недавних пор нас со Светланой связывают очень хорошие дружеские отношения. А вы... Мне бы хотелось и с вами познакомиться ближе. Мне просто нравится общаться с вами обеими. Мне нравятся отношения между вами. А у меня так мало друзей здесь...

Он взволнован. Почему? Должна быть причина. Наверное, я не все понимаю. Или у него путано выходит. Чего ты заикаешься, парень?

– Вам нравится Светлана? Как женщина?

Прямой вопрос требует прямого ответа. Если он соврет, я пойму. Но он не будет врать.

– Да.

Вот это уже лучше, ей-богу.

– Это хорошо. Я рада это слышать. Но если вам хочется просто поразвлечься, лучше найдите другую игрушку, док. Я не позволю вам ее обидеть.

– Я понимаю. И уверяю вас: у меня и в мыслях нет ничего подобного. Так вы присоединитесь к нам сегодня? Мне бы очень этого хотелось, правда.

– Если вам так хочется. Но я все равно не понимаю, зачем вам это надо.

– Просто если мы познакомимся поближе, то вас, возможно, перестанет раздражать вид моих ногтей.

Глаза его смеются, и я понимаю, что попалась. Он все просек с самого начала. А это значит, что я где-то прокололась. Я не смогла скрыть свои эмоции, это может перерасти в тенденцию. Это мне наука – теперь мне надо лучше следить за собой. Люди бывают разные, и не все такие наблюдательные, но чтобы уцелеть, следует считать, что все.

– Вам больше не по душе мелодрамы? – Что за глупый вопрос? Ах да, вчерашняя история.

– Не знаю. Как-то не тянет.

– А что бы вам хотелось посмотреть? – Нет, дорогой, больше ты меня не поймашь.

– Ничего. Мне скучно.

– А что бы вам хотелось делать? Я так понимаю, ваше прежнее занятие вас больше не привлекает.

Он спрашивает, но вряд ли эти вопросы и мои ответы име-

ют отношение к его работе. Он затеял какую-то игру. Может, это простое любопытство, может, что-то другое. Но я больше не попадусь. Играть будем по моим правилам.

– Не могу сказать. Прошло еще так мало времени, чтобы принять какое-то решение.

Мне начинает надоедать этот глупый разговор. Я не хочу отвечать на вопросы. Я не хочу, чтобы он интересовался мной, как и кто-либо еще. У меня появилось несколько ниточек, потянув за которые я хочу распутать этот невероятно запутанный клубок. Но я не хочу, чтобы мне дышали в спину любопытные и сочувствующие. У меня и без их помощи все получится.

– Если вы еще не передумали, можем ехать.

– А наши занятия? – О святая простота. Твои актерские способности в сравнении с моими – ничто.

– Они не нужны. Вы это сами понимаете. Это не та амнезия, которую вы можете классифицировать. Вы это знаете не хуже меня. Если хотите просто общаться – я не против. Поэтому лучше уж поедем по магазинам.

– Я понял. Юля, вы необыкновенная женщина. Если нужна будет моя помощь – вам стоит только сказать. Насколько я понимаю, вы собираетесь сделать что-то опасное, – он изо всех сил пытается говорить спокойно. – Я хочу только сказать: вы можете на меня рассчитывать. Я не такой уж мягкотелый, как, наверное, кажется. И если вам нужно будет кому-нибудь довериться, то...

Я молча одеваюсь. Довериться! Хотелось бы мне знать, кому я могу довериться. Нет. Пока я не узнаю расклад и ставки, я не имею права никому доверять. Я еще слишком мало знаю, а впечатления бывают необъективными. Если он и вправду хороший парень, ладно. Или же он совсем не тот, за кого себя выдает – и тогда я должна буду принять меры к его нейтрализации. Вот так. А еще Светлана. Я должна буду попросить ее не обсуждать меня с этим индивидом. Она может, сама того не ведая, навредить мне. И этот разговор будет не из легких.

Мы едем весенними улицами, и мне почему-то легко на душе – впервые за то время, что я себя помню. Май довольно прохладный, женщины еще не вылезли из колготок, но мне все равно нравится. Мне хочется выйти из машины и пешком пройти по улицам города, потому что город прекрасен. Странно, почему он показался мне холодным и неприветливым? Наверное, у меня было холодно на душе. Или я видела другие города, потеплее? Не знаю.

Мы останавливаемся перед огромной стеклянной витриной. Это совсем новый дом, и весь первый этаж в нем занимает магазин с довольно-таки тривиальным названием «Женское царство». Но это название очень точно отражает суть того, что притаилось за блестящей витриной. Это и вправду женское царство. Тут есть салон красоты, несколько уютных кафе, а отделы просто созданы для того, чтобы удовлетворить самый изысканный вкус.

А главное – здесь удивительное разнообразие товара: от дешевого ширпотреба до самых дорогих моделей. Такого в Америке нет, как объяснил интерн-неудачник. Я перестала чувствовать враждебность по отношению к нему. И никого не касается почему.

Наверное, молоденьким продавщицам до сих пор не попадалось на глаза такое чучело – в длинном темном балахоне, в косынке и темных очках. Я сама себе неприятна, но мне же надо как-то сделать покупки!

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – Ко мне подплыла черноглазая красотка, одетая в форму персонала магазина.

– Нет, спасибо, я сама разберусь.

– Я прошу прощения, но вам лучше обратить внимание на отделы справа от входа. Думаю, там вы найдете подходящий товар.

Она намекает, что здесь, в ее епархии, все слишком дорого – для такой, как я. Мне немного смешно, немного обидно – так, словно меня публично унизили. Ну, зачем я напятила этот балахон? Я скажу зачем: с этой треклятой косынкой на голове ничто другое не гармонирует. Вот если бы повязать ее иначе... Но это невозможно – у меня для этого не хватает волос. Поэтому я начинаю понемногу закипать, а девка ходит за мной по пятам. Небось смотрит, как бы я чего не стащила. Но косметика тут хорошая, и я собираюсь все попробовать. Так что – пусть катится ко всем чертям. Пока я не рассердилась всерьез.

– Это очень дорогая помада.

Ее голос выводит меня. Я поворачиваюсь и смотрю на нее в упор. Она отступает. Но мне ее теперь не жаль, и я закончу то, что решила сделать. Вот теперь – наверняка. Сама напросилась. Она испортила мне настроение.

Я возвращаюсь к своему занятию. Так много образцов, такие интересные тона, мне все хочется попробовать. Наконец я делаю выбор и возвращаюсь к прилавку. Той мегеры уже нет. Или я ошиблась в расчетах? Другая девушка, светленькая, быстро выбивает мне чек, я беру пакетик, и в эту минуту кто-то хватает меня за руку. В буквальном смысле. Я вижу двух парней в форме охраны и еще одного – в штатском.

– Вам придется пройти с нами.

– Я не понимаю. В чем дело? – Нет, я-то знаю, но сейчас разыграю комедию, и грубиянку уволят. Это вернет мне хорошее настроение.

– Пожалуйста, пройдемте. Это ваша покупка?

– Да. Вот чек.

– Вот и хорошо. Это не займет много времени.

Я иду с ними. В небольшой комнате с табличкой «Служебное помещение» сидит пожилая женщина. Дверь закрывается, мне жестом предлагают сесть. Я опускаюсь на стул. Парень в штатском кладет на стол пакетик с косметикой и чек.

– Ну и для чего вы меня сюда притащили? – Подождите, милые мои, я вам устрою спектакль по полной программе.

Время пошло.

– Позвольте осмотреть вашу сумочку, – это женщина говорит.

– И не подумаю! С какой это радости вы будете рыться в моей сумке? – Я старательно изображаю возмущение.

– Юра, просмотри покупки.

Штатский открывает пакетик и сверяет содержимое с чеком.

– Все правильно.

– У вас есть право на подобные действия? – Мне все это уже начинает надоедать.

– Отойдите, ребята. Лидия Андреевна, вам придется осмотреть все остальное.

Все остальное – это, очевидно, меня. Ладно, вы сами этого хотели.

– Милочка, давайте пойдем друг друга, – его глаза холодно уставились на меня. – Я вас ни в чем не обвиняю, но будет меньше проблем, если вы позволите нам осмотреть содержимое вашей сумочки и карманов.

– А если я не соглашусь?

– Ну, тогда нам придется вызвать милицию.

– Хорошо, вызывайте.

Я просто убиваю с ним время. Но я знаю, что делаю.

– Юра, кто тебя вызвал? – Это женщина. Она не желает рисковать.

– Даша, по внутреннему. Ну, так что, договоримся по-хо-

рошему? Или будем ждать милицию?

Есть люди, любящие уличать. Такому намного приятнее уличить в чем-то ближнего, чем признать факт наличия других честных людей, потому что подобные типы считают честными только себя. А на самом деле они просто садисты и им не место на подобной работе. Вот это я сейчас и исправлю.

– Подождем милицию. Можете вызывать.

– Юра, Даша могла ошибиться.

Если ее уволят, она уже не сможет найти работу. Она понимает это и не хочет рисковать. Тем более что мое поведение сбilo ее с толку. Большинство наших граждан униженно продемонстрировали бы содержимое своих сумок и вздохнули с облегчением, проглотив обиду и удовлетворившись неискренними извинениями. Но я – другое дело.

– Если Даша ошиблась, почему же она отказывается? – Идиот, тебя уволят вместе с твоей красоткой. – Женщина, отдайте сумку!

Он резко вырывает сумку у меня из рук, но тут открывается дверь – успели все-таки, я все правильно рассчитала. В комнату входят Виталий Петрович и какой-то мужчина в прекрасно сшитом костюме и белоснежной рубашке.

– Что здесь происходит? – Ого, сразу ясно, кто в доме хозяин.

– Юля, с вами все в порядке? – Я-то в порядке, но вам это знать необязательно.

Я медленно сползаю со стула. Учить меня терять сознание

излишне. Нужно только представить, как темная вода смыкается у меня над головой. Холодная грязная вода.

– Воды, скорее! – Это голос дока. Вот еще, сейчас ни за что ни про что водой обольют. Нужно срочно приходить в чувство, если я хочу все-таки сделать необходимые покупки.

– Она уже пришла в себя, – женщина сильно побледнела, руки ее дрожат. Она помогает мне подняться.

– Вы вовремя. Еще немного – и меня бы здесь просто линчевали, – я выдаю одну из своих самых бледных улыбок.

– Как вы себя чувствуете? – Синие глаза Виталия смотрят обеспокоенно. – Это просто стресс, сейчас я отвезу вас домой, и мы вдвоем подождем Свету.

– В мой магазин женщины приходят не за стрессами, – этот человек мне нравится. Интересный. – Я еще раз спрашиваю: что вы тут пытались совершить?

– Я не знаю... Это Юра привел девушку... Ему Даша сказала, что у нее подозрительный вид. Но она сама согласилась прийти сюда.

Голос женщины дрожит. Нет, пожалуй, я не хочу, чтобы ее увольняли. В случившемся она не виновата.

– Юля, я хочу извиниться перед вами за своих подчиненных. Позвольте представиться: Валерий Михайлов, хозяин магазина. Вернее, один из владельцев, – он галантно целует мне руку. – Это безобразие, и виновные будут наказаны сейчас же. Вызовите продавцов.

Женщина мигом выбежала из комнаты.

– А ты чего стоишь столбом? – Это уже к моему инквизитору. – Ты хоть знаешь, кто эта женщина? Это же Юлия Ясинская, у нас есть целый отдел, в котором представлена одежда ее дома моды «Эрика». Ты слышишь, болван? Ты уволен.

Парень выходит. А в комнату входят две девушки – бледная и черноволосая. У красотки уже не такой самоуверенный вид. Это хорошо.

– Вы обе уволены.

Нет, стоп, почему же обе?

– Простите, но я должна вмешаться, – я просто обязана это сказать. – Девушка, которая стояла за прилавком, ничем меня не обидела. Наоборот, очень хорошо обслужила, поэтому я очень прошу вас...

– Конечно. Иди, работай, – девушка вышла. – А ты... я позабочусь о том, чтобы тебя не взяли больше ни в одно приличное место. Ты в зале не для того, чтобы распугивать покупателей. После этой неприятной истории мы потеряли клиентку. И, я считаю, не одну. Ни одной из своих знакомых оскорбленная вами женщина не порекомендует наш магазин. Убирайся.

Она стоит бледная и как-то сразу подурневшая. Видишь, детка, ты сама этого хотела. Чего ты ко мне привязалась? Тебе не понравилось, как я выгляжу? Мне тоже не нравится мой вид, но не надо было портить мне настроение.

– Вот ваши покупки, – женщина подает мне пакетик. –

Пожалуйста, мне так жаль, я не хотела...

– Ладно, забудем. О, этот носорог порвал ремешок моей сумки! – Вот теперь я просто вне себя. Это не по правилам.

– Ни слова больше! – Валерий очень эмоционально на все реагирует. Наверное, потому и сидит днями в своем магазине. Есть люди, просто созданные разбирать конфликты. – Прошу вас, идemте со мной. У нас обязательно найдется что-то, достойное вас. Любая сумочка за наш счет. Эти болваны еще дешево отделались.

Мы идem мимо блестящих витрин, а он тараторит, не умолкая:

– И вы поверьте – мы же каждую из них постоянно контролируем и обучаем. Политика нашего магазина – равенство всех клиенток. И вот – такая пилюля... Я очень рад, что успел вовремя, неизвестно, до чего бы еще дошло дело.

– Да, вы очень вовремя. Как вам это удалось?

– Это совершенно случайно. Ваш друг ждал вас в машине, а потом решил выпить кофе. И увидел, как к вам подошли охранники. Он решил, что его вмешательство не поможет, и пришел ко мне в кабинет. Я его сразу понял и поспешил. Ну, вот мы и пришли. Пожалуйста, выбирайте.

Тут и вправду есть на что глянуть. Сумочки разные – по цвету, фасону, предназначению и цене, просто глаза разбегаются. Но мне пока нужна одна – но такая, чтобы подходила к любой одежде, была бы вместительной и элегантной одновременно. Вот эта подойдет.

– Прекрасный выбор! Пожалуйста, возьмите ее в подарок. Если бы это могло как-то помочь загладить ваши неприятные впечатления, я бы отдал вам их все. Хотите?

– Нет, спасибо.

Мне ничего не нужно даром, я в состоянии оплачивать свои капризы.

– Вы сердитесь, – этот человек нравится мне. Он меня немного развлекает.

– Я не сержусь, но...

– Нет, я вижу, вы еще сердитесь! Юля, вы сердитесь – и мое горе не знает границ.

– Ваши крики напоминают стенания купца-еврея. Вы настоящий артист, – мне не скучно с этим человеком.

– Мне захотелось немного развлечь вас. Понимаете, этот магазин – вершина моей карьеры. Я начинал в девяностых – рядовым челноком, после того как закрылся наш НИИ. Знали бы вы, сколько тонн товара перетаскал я на плечах! А сколько потерял! Да еще правительство поминутно меняет правила игры – все им кажется, что мы богатеем. А рэкет – и наш, и иностранный, уж не знаю, что хуже... Везу, к примеру, два контейнера товара – так мое только то, что в одном. Второй уходит, чтобы расплатиться с таможенной, потом на дороге – дорожная милиция, хуже бандитов. И бандиты тоже. И на рынке... Всего не перечислишь. Что там говорить! И вот теперь – такой магазин! Это – мое детище, я люблю его, потому что жизнь ушла на это. А скольким моим братьям по

несчастьем так ничего и не удалось? А, что там говорить! Я прихожу сюда первым и последним ухожу. Видите все это? Тут моя душа. Полностью, вся. Даже не частица, а вся! Поэтому я очень болезненно реагирую, если что-то идет не так.

– Я понимаю вас. Я не сержусь, правда. Может быть, я должна была быть с той девушкой более приветливой...

– Нет. Вы не обязаны отчитываться перед продавцом. Желание клиента – закон. Эта девица получила то, что заслужила. И другим урок нагляднейший. Да что я говорю – вы же сами все понимаете, тоже ведь начинали с нуля. Я вам не надоел? Может, вы бы хотели еще что-то купить? Если вы заплатите за сумочку, я обижусь.

– Хорошо. Мне и вправду кое-что нужно. Не обращайтесь на меня внимания, у вас и без меня, наверное, дел по горло.

– Вы правы, дел в таком хозяйстве всегда хватает. Но пообещайте, что вернетесь к нам – у нас самый большой выбор, а на будущей неделе будет такая обувь, какой вы нигде больше не найдете, лучше и не ищите, – да, это настоящий коммерсант, это от Бога.

– Конечно, вернусь. Здесь очень интересно.

– Вот вам моя визитка. Я рад знакомству, хотя и произошло оно при таких печальных обстоятельствах.

Наконец он уходит. Вся эта история меня порядком вымотала, и у меня есть законный повод не идти сегодня в ресторан. Это во-первых. А во-вторых, я для себя кое-что выяснила. Но все это еще требует проверки. И еще: я убедилась,

что могу предвидеть реакции людей и руководить событиями, оставаясь при этом в тени. Я быстро делаю покупки и спешу к машине. Виталий Петрович меня уже заждался.

– Юля, с вами все в порядке?

– Нет. Скорее домой, я страшно устала.

– А это все оттого, что вам еще нельзя было выходить, а уж ехать сюда – тем более, – мы ныряем в поток машин. – То, что там произошло, – просто бессмыслица какая-то. Почему они к вам пристали?

«Да потому, дорогой, что я сама их спровоцировала. Я специально это сделала. Но я оставила им выбор».

– Не имею ни малейшего представления. Наверное, такое чучело, как я, не имеет права заходить в подобные магазины. Во всяком случае, продавщица считала именно так.

Никто больше даже не намекнул мне, что мое присутствие некстати. Только той красотке захотелось развлечься за мой счет. Только она поддалась на мою провокацию.

Зачем мне это понадобилось? По многим причинам. И меня не удивила моя реакция на экстремальную ситуацию. Мне понравилось.

– Юля, мне сейчас нужно на работу, а вечером...

– Нет, вечером на меня не рассчитывайте. Я слишком устала.

– Ладно, это можно понять, – он улыбается. – Но в следующий раз – обязательно. Договорились?

– Идет. В следующий раз обязательно намажу хреном уст-

рицы (ненавижу улиток!) – из чувства мести.

Он смеется. Я слышу его смех, пока он спускается по лестнице. Наконец-то я осталась одна! Я начинаю разбирать свои покупки. Несколько париков, разнообразная косметика, контактные линзы. Этого пока достаточно. Да большего и не потребуется. Сегодня я должна кое-что выяснить. Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?

Я примеряю каштановый парик. Нужна более насыщенная цветовая гамма на вывеске. Слишком ярко, но это именно то, что надо. Я сама себя не узнаю. Немного вульгарно, да только я это могу пережить. Темно-коричневый respectable костюм и кремовая блузка уравновесят излишнюю броскость макияжа. В новую сумку кладу плотный шарф и металлическую ручку.

Такси везет меня на улицу Малиновского. Там живет женщина, которая может мне помочь. Она видела то, что я хочу знать. Мне нужны подробности. Я должна все выяснить – сама.

Расплачиваюсь с таксистом и направляюсь к дому. Какое неудачное строение! Неаккуратное и неуютное. На скамейке перед подъездом сидят две старухи. Вот кто – бездонный кладезь информации! А Валентина Филипповна небось тоже частенько сиживает здесь. И если только она что-то видела, эти старухи в курсе.

– Добрый день! – Я улыбаюсь самым приветливым образом.

– День добрый и тебе, красавица. Ищешь кого-то?

Жизнь такая несправедливая... неужели я тоже превращусь в такую же старую ведьму? Хотя лица, обращенные ко мне, совсем не злые, а очень даже приветливые, но это меня не утешает. Я в таком возрасте буду просто старой ведьмой. Если доживу. Надеюсь, что нет.

– Да, ищу. Может, вы сможете мне помочь... Мне нужна Семенец Валентина Филипповна, она живет где-то здесь. Не знаете, где я могу ее найти?

– Ты присаживайся, – старушка двигается, и я сажусь. – А зачем она тебе? Ты ее родственница или просто знакомая?

– А почему вы спрашиваете? Я просто...

– Нет, дочка, не просто. Так ты не родственница?

– Нет. Я с ней никогда не встречалась, но она нужна мне по делу.

– У нее теперь нет никаких дел, – женщина скорбно качает головой. – Она умерла. Скоро уж два месяца как нет ее.

Умерла? Два месяца назад? Но это невозможно. Ведь есть ее свидетельские показания, именно два месяца назад... Кто-то пытается ввести меня в заблуждение? Но зачем?

– Вы не помните, какого числа это произошло? Ну, когда именно она умерла?

– А чего ж, дело тут такое... Шестого марта умерла, точно знаю, потому что – вот ведь совпало-то как – в этот день у моего внука день рождения. А тут приходит Саша, ее муж, и говорит: идите к нам, Семеновна, потому как беда. Пришла

я, а там... Вита, дочь, значит, в обмороке, с Маринкой истерика – позвонили из больницы, что машина, дескать, сбила. Так она, голубушка, до самой больницы продержалась, а там уже померла – в приемном покое. Хорошо еще, что так, что не лежала посреди дороги полдня – пока еще собрались бы из морга приехать! Знаешь же, как у нас... А я врачом работала, терапевтом, Виту в чувство привела, а тогда уж и себе давай нитроглицерин искать. А водителя того так и не нашли. Да, по всему видать, не очень и старались.

– Да кто там его искал! – вмешалась вторая старушка. – Ведь буквально перед этим Валя видела аварию – господи, и пришлось же так! Напротив «Орфея», ну, возле горки. Такое, рассказывала, творилось – ну просто фильм американский! Летит красная небольшая иномарка, скользко, каток просто! А за рулем девушка. Сзади догоняет темно-синяя машина и бьет ее в бок – раз, другой, а там, как на грех, мостик. Так и полетела красная машина вниз. Хоть и не высоко, так ведь тот негодяй, Валя говорила, по всему видать, не раз ударил в бок машину, в которой девушка была, потому что дверца была смята. А потом машина так побилась – кто бы мог разобрать! И девушка погибла. И что ты думаешь? Валя осталась там, на месте, рассказала этим негодяям из милиции, что видела, а они знаете, как отнеслись? Ты, бабка, говорят, боевиков обсмотрелась. А она же их не терпела, всю жизнь учительствовала! И ведь заставила-таки их записать свои показания, да что с того... Читала я потом в газете, что

дело якобы закрыли – несчастный, дескать, случай. Никто и не искал!

– А ты по какому делу? Может, мы поможем, потому как в квартиру к ним тебе лучше не ходить. Саша, бедняга, так переживает, лучше не напоминай лишний раз. Жизнь душа в душу прожили, дочь вырастили – ни ссоры, ни спора, слова плохого друг другу не сказали – и беда такая! Так ты чего хотела-то?

– Нет, уже ничего. Этого уже никто не сможет...

Я встаю и иду прочь. Что я могу сказать? Только то, что старая учительница погибла, скорее всего, из-за меня. Из-за того, что настаивала на том, что не устраивало многих? Или нет? Может быть, просто совпадение? Но я принципиально не верю в совпадения!

– Эй, девушка! – Это снова меня. – Пожалуйста, вернись!

– Да?

– Так это ты была в той красной машине? – Она слишком многих людей видела в своей жизни, врать не имеет смысла.

– Я.

– Сядь, дочка, и послушай, что я тебе скажу, – я покорно усаживаюсь на скамейку. Старушка уже одна, ее соседка ковыляет к подъезду. – Я попросила Анну вынести мне воды, она тут на первом этаже живет, так что времени у нас мало. Слушай меня, дочка. Ты же пришла порасспросить Валю о том, что она видела?

– Да.

– Зачем? Разве тебе недостаточно того, что ты там была?

– Нет. У меня амнезия.

Этой женщине я могу говорить только правду и ничего, кроме правды. Может, потому, что никто не называл меня так – «дочка»?

– Поэтому на тебе парик? Операция?

– От вас ничего не скроешь!

– Ты скрывай от тех, от кого надо. А сейчас слушай: Валя погибла из-за того, что видела тогда. В травмпункте работает моя внучка. Она узнала Валью, а Валя была еще жива. Она тоже смогла узнать Натку и сказала ей: та же самая машина, синяя. Прошептала и умерла. Никто не слышал, а у Натки хватило ума никому не проболтаться, а уж потом и я ей молчать приказала строго-настрого. А тебе говорю. Тебе надо бы бежать, они же найдут тебя – тем более теперь, когда ты все забыла. Беги, дочка, может, и спасешься. Ты же еще такая молодая!

– Мне некуда бежать. Я сирота.

Она задумывается – но только на минуту. Потом, все для себя решив, говорит:

– Бумага и ручка у тебя найдутся? Дай мне.

Я подаю ей свою новую записную книжку, она что-то быстро пишет. Почерк неразборчивый, как у всех врачей. Сколько рецептов и историй болезней написали эти руки! Скольким людям помогли... Старая докторша пишет для меня рецепт.

– Вот, возьми. Это адрес моей сестры в деревне под Белгородом. И письмо для нее. Она одинокая женщина и приютит тебя. А теперь иди, сейчас Анна вернется.

– Почему вы это делаете?

– А кто для тебя сделает это? Разве можно жить в этой стране? Кругом одни бандиты, страшно на улицу выйти. Награбили денег и считают, что все вокруг купили. Откуда узнали о Валиных показаниях? Кто-то же из милиции сказал им, предупредил. А ты еще совсем молодая, тебе только жить... А тут такое. Валя всю жизнь учила детей. Я их лечила. Анна дворником работала. А теперь мы – нищие. И ради этого мы жили? Иди, дочка, удачи тебе.

– Спасибо вам. Как вас зовут?

– Зачем тебе? А впрочем... Селина Мария Семеновна. Тут вот живу... А ты?

– Меня зовут Юля.

– Как-нибудь дай о себе знать, Юля.

– Постараюсь. Спасибо вам за все.

Я ухожу. Мне еще надо поймать такси, потому что я устала. И я огорчена. Меня так растрогал поступок этой женщины! Ведь она меня впервые видела, но приняла во мне такое участие... Кто из моих знакомых способен на это? И способен ли я сама? Не знаю. Вместе с этими стариками уходит в небытие целая эпоха подлинных ценностей. Ведь я уже знаю, что было время, когда помощь попавшему в беду была обычным делом. На смену этому пришло холодное: «Это ваши

проблемы». Мы становимся так одиноки, отталкивая от себя людей, отгораживаясь каждый в своем мирке материальных ценностей. И мы становимся беззащитными перед судьбой. И судьба наказывает нас, заставляя многим платить за одиночество. Слишком многим, чтобы дело того стоило. Надеюсь, что когда-нибудь мы поймем это.

– Влад, ты только посмотри, какая краля! – Отвратительный голос возвращает мне способность действовать.

Передо мной выныривают двое. Гадкие улыбочки, а уж вонь – так совсем мужики не моются, со дня своего рождения. Эту вонь я должна была почувствовать издали, но они затаились возле гаражей, а здесь, похоже, местный сортир под открытым небом... Мерзость! Пьяные самцы.

– Куда направляешься, красотка?

– Что надо? – Я угрожающе спокойна. Вокруг никого, темнеет, но я спокойна. Я должна сейчас избавиться от накопившегося раздражения.

– Влад, ты слышал? Она хамит! Ты, сучка, сейчас узнаешь, чего нам надо! Можешь даже покричать.

Грязная рука хватается меня за волосы. Что, парень, не ожидал? Но ведь так и есть – я в парике. Моя рука сама бьет нападающего в горло, а второму я в этот момент вогнала в мозг переносицу. Хрустнула кость. Я наклоняюсь за париком. Что, дорогой, нечем дышать? И не надо, поверь мне, это для твоей же пользы. Вы оба вряд ли сможете выжить, если вас в ближайшее время никто не найдет. Что маловероятно.

Спокойной ночи, мальчики, никуда не уходите.

Я старательно пристраиваю парик на место и отправляюсь искать такси.

6

– Макс, отстань от меня! – Мягкие лапки касаются моих щек, но мне еще хочется спать. – Отстань, кому говорю, не то не получишь больше рыбы.

Нет, сон безнадежно испорчен. Утоплю этого кота когда-нибудь. Пора вставать. Но я просто разбита, словно на мне камни возили. Ах да! Как я могла забыть! Я вчера, сдаётся мне, убила двух ублюдков. Какая жалость! Это надо было сделать позавчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.